U 125/1364

И 125/1364

НАРОДЫ РОССІИ.

БѢЛОРУССЫ И ПОЛЯКИ.

Изданіе „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

САНКПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подъяческая, № 39.
1878.

БУРОДЫ РОССІИ.

I. БЕЛОРУССЫ И ПОЛЯКИ.

Изданіе „Посредника“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
Большая Подъяческая, № 10.
1878.

И 125/1364

НАРОДЫ РОССІИ.

БѢЛОРУССЫ И ПОЛЯКИ.

Изданіе „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧ., № 39.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 ноября 1877 года.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
13465-44

2007041745

НАРОДЫ РОССІИ.

БѢЛОРУССЫ.

Природа Бѣлорусскаго края.

Бѣлоруссіей съ издавна зовется пространство, лежащее по среднему теченію Днѣпра и западной Двины и раздѣляющееся въ настоящее время на три губерніи: Витебскую, Могилевскую и Минскую. Откуда произошло это названіе—толкуютъ различно: одни говорятъ, что эта область была названа такъ потому, что во время подчиненія прочихъ областей русскихъ татарамъ она не платила имъ дани, а всѣ, не платящіе податей, встарину назывались *бѣлыми, обѣленными*, въ отличіе отъ податныхъ людей, называвшихся *черными;* другіе-же толкуютъ, что названіе Бѣлоруссіи произошло отъ того, что русскіе люди, населяющіе этотъ край изстари, носили, какъ и теперь носятъ, одежду преимущественно бѣлаго цвѣта. Уже самая природа Бѣлоруссіи во многомъ различается отъ прочихъ, даже смежныхъ съ нею, областей русскихъ. Наибольшая часть пространства бѣлорусскихъ губерній представляетъ низменность, изобильно покрытую преимущественно лиственными лѣсами, среди которыхъ разсѣяно множество болотъ и озеръ, окруженныхъ топкими лугами. Почва здѣсь по боль-

шей части песчаная, глинистая или иловатая, климатъ умѣренный: ни большихъ морозовъ, ни сильныхъ жаровъ и засухъ не бываетъ; но за то дождей много и погода чрезвычайно перемѣнчива. Въ одинъ годъ снѣгъ стаетъ въ мартѣ, въ другой простоитъ и до апрѣля; послѣ морозовъ вдругъ настанетъ оттепель, пойдетъ дождь, а потомъ опять ударитъ морозъ, сдѣлается гололедица и т. д.

Но природа губерній Витебской и Могилевской, при своей лѣсистости, изобилiи болотъ и озеръ, еще не представляетъ такихъ рѣзкихъ перемѣнъ, какими отличается природа губерніи Минской. Большую частъ этой губерніи занимаетъ такъ называемое Бѣлорусское Полѣсье *) распространяющееся и въ смежные уѣзды губерній Гродненской, Могилевской и Волынской. Это самая любопытная часть бѣлорусскаго края.

Бѣлорусское Полѣсье едва-ли не самая низменная и изобильная водою часть нашего материка. Одни ученые полагаютъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ это мѣсто было дномъ исчезнувшаго съ лица земли океана, и говорятъ, въ топкихъ болотахъ Полѣсья случалось находить обломки судовъ, якоря, части морскихъ животныхъ и т. д. Другіе ученые это отрицаютъ и говорятъ, что многоводіе Полѣсья зависитъ отъ того, что сюда стекаетъ слишкомъ много воды съ окружающихъ возвышенностей, которая, при низкихъ берегахъ полѣсскихъ рѣкъ, не вмѣщается въ нихъ и разливается по окрестнымъ равнинамъ. Но какъ бы то ни было, Полѣсье такъ обильно водою, что весною почти третья часть его представляетъ настоящую водную поверхность. Кромѣ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ Припети, Пины, Березины, Днѣпра и другихъ—Полѣсье все изборождено маленькими рѣками и рѣчками, все изрыто заливами, протоками,

*) Сѣверная окраина Полѣсья, начинаясь у Бреста, тянется до верховьевъ Березины, Студянки и Друца, мимо Кобрина, Слонима и Слуцка; южная-же мимо Влодавы, Ковеля, Клевани до Родомысла, идя далѣе по Днѣпру до впаденія Тетерева. Въ срединѣ этого пространства расположены города Пинскъ и Мозырь.

озерами и озерками, бродами, особенно болотами. Болота, то длинныя какъ рѣки, то широкія какъ озера, часто стелятся на огромное пространство и исчезаютъ въ дальней синевѣ.

Среди этой обширной низменности разсѣяны, подобно морскимъ островамъ, возвышенные клочки земли, также называемые въ Полѣсьѣ *островами*. Острова эти по большей части покрыты хорошимъ лѣсомъ, густою травою и имѣютъ плодородную почву. На нихъ-то, уединенныя отъ немногочисленныхъ городовъ и другъ отъ друга, расположены небольшія и рѣдкія деревни Полѣсья.

Кромѣ такихъ обитаемыхъ острововъ, въ Полѣсьѣ есть много такихъ, на которыхъ, можетъ быть, никогда не бывала человѣческая нога. Болота, окружающія эти острова, покрыты сплошною растительностью, но едва дѣлаетъ человѣкъ по ней шагъ, какъ вдругъ коверъ, образовавшійся на болотѣ изъ переплетшихся корешковъ разныхъ растеній, разверзается и ноги вязнутъ въ зыбкой почвѣ, которая волнуется около человѣка саженей на двадцать вокругъ,—и горе путнику, если онъ во время не воротится, такъ какъ тонкая растительная ткань, покрывающая болота, скоро разъединится и бездонная пучина неминуемо поглотитъ смѣльчака.

Этотъ глухой и пустынный край оживляется только зимою, такъ какъ лѣтомъ проселочные пути сообщенія въ немъ такъ неудобны что въ иномъ мѣстѣ нельзя проѣхать между сосѣдними островами и двадцати верстъ одинаковымъ способомъ. Часто случается верстъ пять сдѣлать на лошадяхъ, столько-же на лодкѣ, а остальное пространство пройти пѣшкомъ. На лѣсныхъ дорожкахъ Полѣсья поэтому чуть-чуть замѣтны слѣды рѣдкой ѣзды бѣдныхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ прокатилось нѣсколько телѣгъ, только трава немного помята, пожелтѣла; на остальныхъ же мѣстахъ дорожки ростутъ грибы да молоденькіе побѣги сосѣднихъ деревьевъ. Но всего неудобнѣе и непріятнѣе эти дорожки отъ попадающихся довольно часто лужъ или бродовъ, изъ коихъ иные бываютъ длиною съ версту и болѣе.

Чѣмъ мѣстность болотистѣе, тѣмъ чаще такіе броды затрудняютъ путника. Къ тому же несмѣтныя полчища насѣкомыхъ, носящіяся всегда вблизи этихъ бродовъ, окружаютъ путника: мухи, комары, слѣпни жужжатъ невыносимо, съ бѣшенствомъ кидаются въ глаза, въ ротъ и носъ человѣка и животныхъ и провожаютъ до слѣдующаго брода. За бродами нерѣдко тянутся сыпучіе пески: колеса телѣги утопаютъ въ нихъ по ступицы и прыгаютъ по скрытымъ въ пескѣ и торчащимъ на поверхности древеснымъ корнямъ. Ѣзда по такимъ дорожкамъ возможна не иначе, какъ на волахъ, которые здѣсь такъ же незамѣнимы, какъ верблюдъ въ песчаныхъ и безводныхъ степяхъ. Не рѣдко путнику встрѣчаются по дорогѣ рѣки, чрезъ которыя не существуетъ ни мостовъ, ни переправъ. Чтобы перебраться черезъ такую рѣку, употребляютъ самый простой способъ: становятся на ноги въ телѣгу, въ которой зачастую нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, подмащиваютъ повыше кладь, какая случится, и пускаютъ воловъ вплавь: привычныя животныя благополучно вывозятъ путника на берегъ.

Такіе неудобные сухопутные пути сообщенія могли бы замѣнить многочисленныя рѣки и рѣчки Полѣсья, но, къ сожалѣнію, онѣ текутъ по большей части въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ, поросшихъ осокою, камышемъ и верболазомъ, за которыми на большомъ разстояніи отъ рѣкъ тянутся лѣса. Весною и осенью вода этихъ рѣкъ выходитъ изъ береговъ и затопляетъ на нѣсколько верстъ окрестныя болота. Наносный песокъ и илъ, съ остатками сгнившихъ растеній, образуютъ толстый слой чрезвычайно рыхлой земли, высыхающей во время лѣтнихъ жаровъ и обращающейся въ торфъ. Такимъ образомъ берега полѣсскихъ рѣкъ мало доступны, а по причинѣ неудобства для поселенія, большею частію пустынны.

Обильная водами и лѣсами Бѣлоруссія богата и всѣми дарами, коими можетъ служить человѣку водная и лѣсная природа. Въ глубинѣ водъ ея многочисленныхъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ плаваютъ во

множествѣ различныхъ породъ рыбы, изъ коихъ особенно распространена мелкая порода вьюновъ, которыми буквально кишатъ нѣкоторыя озера и рѣки. Поверхность-же этихъ водъ и окружающія ихъ болота покрыты несмѣтными стадами дикихъ утокъ и гусей и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ. Не въ примѣръ другимъ мѣстностямъ, перелетныя птицы, каковы: утки, гуси и т. д., даже остаются здѣсь круглый годъ. Многія бѣлорусскія озера, особенно въ Полѣсьѣ, не замерзаютъ зимой, и птицы такъ привыкаютъ къ этой обильной всякимъ кормомъ мѣстности, что не перелетаютъ въ теплыя страны, гдѣ имъ не будетъ ни привольнѣе, ни безопаснѣе.

Въ рѣкахъ и рѣчкахъ Бѣлоруссіи, кромѣ множества рыбъ и птицъ, водятся и болѣе дорогія животныя—выдра и бобръ, а въ чащѣ ея лѣсовъ бродятъ медвѣди, кабаны, лоси и разные другіе крупные и мелкіе звѣри. А тетеревовъ, рябковъ и другихъ лѣсныхъ птицъ мѣстами такъ много, что хорошій охотникъ за день набиваетъ ихъ цѣлые мѣшки. Невообразимое же обиліе разныхъ породъ грибовъ и ягодъ служитъ, такъ сказать, добавленіемъ къ тѣмъ благамъ, которыя приноситъ человѣку лѣсистая и многоводная природа бѣлорусскаго края.

Наружность Бѣлоруссовъ, одежда, жилище и хозяйственный бытъ.

Среди такой непріютной, но богатой разными дарами природы съ давнихъ поръ живетъ, во многомъ отличающійся отъ остальныхъ русскихъ, русскій-же народъ—бѣлоруссы, потомки древнихъ славянскихъ народовъ—кривичей и дреговичей. Эти славянскія племена, подобно другимъ племенамъ, отъ которыхъ произошли великоруссы и малороссы, съ давнихъ поръ заняли эти мѣста, приняли христіанскую вѣру и въ первыя времена послѣ основанія русскаго

государства составляли часть его и управлялись вѣчами (народными сходками) и князьями. Но когда постигло Русь великое бѣдствіе—нашествіе татарское, и вся нынѣшняя средняя и южная Русь подпала власти хановъ татарскихъ, Русь западная или Бѣлая не испытала этой невзгоды. Хотя нѣкоторыя области ея и были раззорены татарскими полчищами, но все таки она осталась независимою и такъ прожила еще почти цѣлое столѣтіе. Но, уцѣлѣвши отъ ига татарскаго, Бѣлая Русь все таки не могла сохранить свою самостоятельность. Въ сосѣдствѣ съ нею было сильное государство Литовское, и Бѣлая Русь мало по малу подчинилась ему. Потомъ же, когда Литва соединилась съ Польшею, Бѣлая Русь сдѣлалась частью королевства Польскаго. Только въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія бѣлорусскія области были вновь присоединены къ единоплеменному и единовѣрному русскому государству и бѣлоруссы снова сдѣлались членами великой общерусской семьи.

Долгое время разъединенные съ остальными членами русской семьи, претерпѣвшіе много бѣдствій во время подчиненія чужеземному господству, запертые среди болотъ и лѣсовъ своихъ, отъ природы склонные къ жизни особнякомъ, бѣлоруссы какъ въ домашнемъ хозяйственномъ быту, такъ и веденіи мірскаго дѣла характеромъ и обычаемъ много теперь отличаются отъ родныхъ братьевъ своихъ малороссовъ, особенно же великоруссовъ, хотя, какъ дѣти одной семьи, имѣютъ съ ними и много сходнаго. Съ одной стороны, у бѣлоруссовъ сохранилось много такого, что давно оставлено или замѣнено другимъ у великоруссовъ; съ другой же, у нихъ есть и много такого, чего нѣтъ и не было у обоихъ послѣднихъ.

Даже по самой наружности своей бѣлоруссы во многомъ отличаются отъ великоруссовъ и малороссовъ. Бѣлоруссы по большей части средняго роста, часто и того менѣе, приземисты, одутловаты съ лица, которое всегда кругло,—часто безъ бороды, вообще же жидкобороды и имѣютъ обыкновенно глаза сѣрые и волосы русые.

Въ 40 много 50 лѣтъ, бѣлоруссъ выглядываетъ совершеннымъ старикомъ, особенно женщины, которыя старѣются весьма рано, хотя въ молодости многія изъ нихъ отличаются и свѣжестію, и красотою. Между взрослыми мужчинами, кромѣ развѣ горожанъ, рѣдко, почти невозможно, встрѣтить ту осанистость, русскую крѣпость и красоту, про которую говорятъ: «кровь съ молокомъ» и которую вовсе не рѣдкость встрѣтить среди населенія великороссійскихъ губерній, или ту, какъ бы желѣзную, крѣпость, которая отличаетъ сухаго и смуглаго малоросса.

Такую малорослость и происходящую отъ того малосильность, а равно и раннюю старость, главнымъ образомъ, должно приписать бѣдности и неопрятности обстановки, среди которой живетъ бѣлоруссъ, а также дурной пищѣ, питью болотной стоячей воды и гнилостнымъ болотнымъ испареніямъ, дѣлающимъ воздухъ влажнымъ и вреднымъ. Отъ этихъ же причинъ зависитъ и сильно распространенная въ Бѣлоруссіи и невѣдомая въ Великой и Малой Руси болѣзнь-*колтунъ*. Эта рѣдкостная болѣзнь начинается обыкновенно томленіемъ, головными болями, потомъ волоса на головѣ больнаго наполняются гнойною матеріею, превращаются какъ бы въ войлокъ и остаются въ такомъ положеніи часто въ теченіи многихъ лѣтъ. Колтунъ проходитъ самъ собою, оставляя послѣ себя лишь общее истощеніе тѣла, слабость; но если его чѣмъ нибудь потревожить раньше времени, то онъ исковеркаетъ и замучитъ человѣка. Впрочемъ, сами бѣлоруссы считаютъ колтунъ не только не вреднымъ, а даже полезнымъ, потому что, по ихъ мнѣнію, онъ вытягиваетъ изъ тѣла дурные соки и предохраняетъ тѣмъ отъ другихъ болѣзней. «Колтунъ хвароба патребна, говорятъ они. Пахаруѣе, пахаруѣ, дай выздоровѣе». Но это конечно заблужденіе. На самомъ-же дѣлѣ болѣзнь эта настоящій бичъ бѣлоруссовъ, истощающій ихъ тѣлесныя и умственныя силы отъ этой болѣзни бѣлоруссы хилѣютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Подобно наружности, и рѣчью бѣлоруссъ отличается отъ велико-

руссовъ и малоруссовъ. Бѣлоруссы говорятъ старорусскимъ языкомъ, въ которомъ однако же есть много словъ польскихъ. Самый выговоръ ихъ мягче великорусскаго и малорусскаго и нѣкоторые звуки они произносятъ иначе: такъ напримѣръ, вмѣсто звука *л* они произносятъ звукъ средній между *у* и *в* (волкъ—воукъ), буквы *т* и *д* замѣняютъ звуками, похожими на *ц* и *дз* (дѣти-дзѣци). Даже въ одеждѣ, и въ той, если не покроемъ, то цвѣтомъ, отличается бѣлоруссъ. Любимый цвѣтъ его бѣлый: бѣлый кожухъ, бѣлая рубаха и штаны, бѣлый полотняный поясъ, бѣлая юбка у женщинъ, бѣлый головной платокъ, бѣлыя онучи къ его всегдашней обуви—лаптямъ—все это обыкновенныя и любимыя принадлежности лѣтней и зимней, праздничной и будничной одежды бѣлоруссовъ.

Что же касается покроя одежды, то въ этомъ отношеніи бѣлоруссы сродны и съ великоруссами, и съ малороссами. Такъ, женщины наслѣдовали сарафаны, употребляющіеся и въ остальной Россіи, или малороссійскія *плахту и запаску*, т. е. два куска какой нибудь матеріи, обвязываемые около тальи. Матерьялъ для одежды: сукно, холстъ и другія ткани у бѣлоруссовъ всегда употребляется домашняго приготовленія и грубой выдѣлки. Только въ отношеніи головнаго убора какъ мужчины, такъ и женщины нѣсколько прихотливы. Мужчины носятъ суконныя или даже кожаныя фуражки съ козырькомъ, другіе полярковыя высокія шляпы безъ полей или съ полями, отвороченными кверху, третьи круглую суконную, войлочную или баранью шапку даже и лѣтомъ. Головные уборы женщинъ бываютъ также различны, особенно относительно цвѣта и украшенія. Они формой напоминаютъ и великорусскіе *кокошники*, и малороссійскіе *очипки*. Собственно бѣлорусскимъ женщинамъ принадлежитъ употребляющійся въ Полѣсьѣ уборъ, называемый *головой* и напоминающій формой киверъ уланъ, который обвивается сверху весьма затѣйливо *сарпанкой*, т. е. тонкимъ гладкимъ кускомъ полотна.

Но не одною наружностью, рѣчью и одеждою, какъ мы выше ска-

зали, отличается бѣлоруссъ отъ родственныхъ ему великоруссовъ и малороссовъ; разница между ними и послѣдними прошла дальше и въ бытъ, и въ характеръ, и въ нравы, и обычаи.

Взять хотя, напримѣръ, хозяйственный бытъ и обстановку бѣлоруссовъ. Есть на Руси не мало мѣстъ холодныхъ и голодныхъ, но мало найдется обширныхъ краевъ такихъ скорбныхъ и бѣдныхъ какова Бѣлоруссія. «Кепско коло Витебска, говорятъ сами бѣлоруссы, у города Орши—горше, у Минску—по свинску». Здѣсь рѣдко, даже невозможно, встрѣтить такую зажиточность, какой достигаютъ великорусскіе крестьяне въ среднихъ промышленныхъ губерніяхъ или земледѣльческихъ черноземныхъ.

Очень бѣдно, но еще лучше другихъ, живутъ могилевцы; населеніе-же Витебской и большей части Минской поражаетъ особымъ, какъ бы повальнымъ убожествомъ своей обстановки. Тѣсныя, курныя, низкія, какъ бы вросшія въ землю, хаты, крытыя иногда соломой, иногда болотнымъ камышемъ, иногда дранью безъ гвоздей, съ окнами кой-какъ заставленными кусочками стекла или затянутыми бычачьимъ пузыремъ, имѣютъ уже снаружи такой сирый, убогій видъ, что вчужѣ становится жалко тѣхъ, которые должны жить въ этихъ лачугахъ, скорѣе похожихъ на жилище первобытныхъ людей, чѣмъ русскаго крещенаго человѣка. Не лучше и внутри хаты: грязь отъ сыраго землянаго пола, нечистота отъ неопрятности, зловоніе, скудный скарбъ, полуголые ребята, взрослые обвѣшанные колтунами — все это производитъ тяжелое впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, если онъ съ непривычки заглянетъ въ бѣлорусскую хату.

Бѣдно и хозяйственное обзаведеніе бѣлоруссовъ: скота мало, такъ что иной бѣднякъ и въ плугъ запрягаетъ парою корову да лошадь; да и тотъ скотъ, что держится, такъ выродился отъ дурнаго ухода, что только одна слава что скотъ; такъ онъ малорослъ, захудалъ и малосиленъ. Упряжь на немъ всегда мочальная, съ примѣсью лыка, экипажъ для ѣзды—лѣтомъ колеса, т. е. что-то въ родѣ телѣги съ

колесами безъ шинъ и съ четырьмя лозовыми дужками, а зимой полозки.

Плугъ, деревянная борона, коса, серпъ, да цѣпъ на прибавку—вотъ и все хозяйственное обзаведеніе бѣлорусскаго крестьянина.

Не лучше и кормится бѣлоруссъ: молоко, творогъ осенью и зимой, картофель, капуста, бураки, бобы, горохъ, а лѣтомъ щавель, ботвинья и т. п. при черномъ хлѣбѣ, дурно выпеченномъ изъ непросѣянной муки, смолотой изъ плохо отвѣяннаго зерна на домашнихъ ручныхъ жерновахъ—вотъ обыкновенная пища и то въ хорошій годъ и при томъ у зажиточнаго, сравнительно, крестьянина. Только рыболовы да охотники прибавляютъ къ этому отъ трудовъ своихъ рыбы и мяса; но и это они часто должны ѣсть безъ хлѣба и соли.

А между тѣмъ условія природы бѣлорусскаго края не такъ еще дурны, чтобы уже вовсе нельзя было жить и среди ея въ довольствѣ: надо только умѣючи воспользоваться тѣмъ, чѣмъ можетъ служить она человѣку на пользу. Правда, почва бѣлорусскаго края, кромѣ большинства полѣсскихъ острововъ, малоплодородна, но при хорошей обработкѣ, тучномъ удобреніи, мѣстами осушеніи отъ излишней влаги посредствомъ проведенія канавъ, она могла бы даже съ избыткомъ вознаградить трудъ земледѣльца. Садоводство могло бы быть ведено здѣсь успѣшно и послужило бы большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Скотъ держать здѣсь также удобно, ибо обиліе луговъ и травъ доставитъ скоту самую обильную пищу зимой и самую привольную жизнь лѣтомъ. Обиліе же чернаго, а мѣстами и дубоваго лѣса и, слѣдовательно, желудей, благопріятствуетъ разведенію свиней. Обширныя водныя пространства, наполненныя множествомъ питательныхъ веществъ, дозволяютъ держать цѣлыя стада домашнихъ птицъ—гусей и утокъ; обиліе-же лиственныхъ лѣсовъ и травъ представляетъ большія удобства къ занятію пчеловодствомъ. Тотъ же лѣсъ, наконецъ, можетъ служить матеріаломъ для разныхъ подѣлокъ, а изъ дичи и рыбы, при умѣньи изготовить ее и продать,

можно, кромѣ подспорья въ пищѣ, также получить немалыя денежныя выгоды.

Нельзя сказать, чтобы всѣмъ этимъ и не пользовался бѣлоруссъ: онъ и землю усердно пашетъ, и хоть съ грѣхомъ пополамъ, подмѣшивая мякины, а годами и разныя травы, кормится своимъ хлѣбомъ и даже ухитряется еще продать на сторону, да вдобавокъ сѣетъ ленъ и коноплю. И скотъ онъ держитъ, и птицу водитъ, и дичь стрѣляетъ, и рыбу ловитъ, и пчелъ разводитъ, да только все это такъ, лишь бы на себя хватило, промысломъ не ведется, а если и случается у бѣлорусса избытокъ хозяйства, то самъ онъ отъ него мало пользуется, а все идетъ въ пользу его лиходѣя — еврея.

Не на богатыхъ земляхъ сидятъ и великоруссы сѣверныхъ и среднихъ губерній, но живутъ далеко исправнѣе: не питаетъ кормилица земля,—великоруссъ хватится за ремесло, а то и ходитъ на дальнюю сторону, чтобы зашибить лишнюю копѣйку. Не то бѣлоруссъ: онъ только и знаетъ промысловъ, что суда да плоты гонять по рѣкамъ, да еще землю копать; на послѣднюю работу онъ особенно горазд, потому, должно быть, что грязи и сырости онъ не боится, къ нимъ ему не привыкать стать. Рѣдко, мѣстами, гонитъ иной смолу и деготь, гнетъ полозья и дуги, дѣлаетъ кадки и другія деревянныя подѣлки. Но всѣ эти промыслы ведутся въ небольшихъ размѣрахъ: здѣсь нельзя встрѣтить, какъ въ великой Россіи, что одна деревня или цѣлая волость изготовляетъ ложки, другая дѣлаетъ чашки, третья ткетъ рогожи или мастеритъ мебель, куетъ гвозди и т. д. и все это въ сотняхъ тысячъ штукъ, на десятки тысячъ рублей и цѣлыми обозами и караванами отправляетъ свои издѣлія иногда за тысячи верстъ, да вдобавокъ и матерьялъ для нихъ достаетъ изъ далека. Бѣлоруссъ о такихъ порядкахъ и понятія не имѣетъ: вялъ и безпеченъ сталъ, притерпѣлся къ нуждѣ и о лучшей долѣ мало помышляетъ... Такъ бацьки наши жили, да и намъ такъ жить заказали“ говоритъ онъ.

А то и на Божью волю сошлется: „Его святая воля, скажетъ, не мы одни.“

Недостатокъ предпріимчивости обнаруживается и въ томъ, что бѣлорусскіе крестьяне рѣдко отправляются на заработки по одиночкѣ. На отхожія промысла отправляются артели, составляемыя не самими крестьянами, а подрядчиками.

Не радостна жизнь бѣлорусса въ настоящее время и не такъ-бы могъ онъ жить среди своей, хотя и не совсѣмъ пріютной, но щедро надѣленной различными дарами, природы. Нельзя, впрочемъ, и винить въ этомъ самого бѣлорусса; отъ природы онъ смышленъ и не боится труда, могъ-бы онъ и промыслы разводить и жить далеко исправнѣе, не хуже другихъ, да сломили его лихія невзгоды — панская неволя, да еврейская корысть.

Всякому извѣстно, что были прежде и въ Великой и Малой Руси и помѣщики дурные, и крѣпостные крестьяне бѣдны, но всего хуже было въ Бѣлоруссіи. Мы говорили уже, что Бѣлоруссія была подчинена Польшѣ, и въ Польшѣ съиздавна велось дѣло такъ, что большая часть населенныхъ земель была раздѣлена между панами, т. е. дворянами, а жившіе на тѣхъ земляхъ крестьяне находились въ полной отъ нихъ зависимости. При томъ польскіе дворяне, даже не въ примѣръ другимъ, страшно обременяли ихъ различными поборами. Кромѣ оброка за землю, не было промысла, за который брался бѣдный крестьянинъ, не было такой статьи въ хозяйствѣ, которыхъ бы не обложилъ панъ оброкомъ въ свою пользу. Со всего имущества: съ коровъ, лошадей, свиней и т. д. бралась *десятина*, т. е. десятая, а часто и пятая часть; съ пчелъ бралась *восковая пошлина*, а съ рабочихъ воловъ—*роговая*; за право ловить рыбу платили *ставщину*, а за помолъ муки *сухомельщину*. Даже рожденіе дѣтей и заключеніе брака было обложено податью. Крестьянинъ у котораго родился ребенокъ платилъ особую пошлину, называемую *дудекъ*; а за пра-

во обвѣнчать сына или дочь онъ платилъ *поемщизну*. Вдобавокъ ко всему онъ долженъ былъ работать на панскихъ работахъ до кроваваго пота. Еще хуже было, когда паны отдавали свои помѣстья въ аренду евреямъ: тутъ крестьяне должны были платить не только панское, а дабавлять и жадному до денегъ арендатору-жиду.

Не многимъ улучшилось положеніе бѣлорусскихъ крестьянъ и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Русскому государству, такъ какъ власть пановъ надъ своими крѣпостными хлопами осталась по прежнему, и только въ настоящее царствованіе окончательно уничтожена. Хотя русское правительство и старалось защитить крестьянъ отъ произвола пановъ и съ этою цѣлію было издано даже особое *инвентарное* положеніе, въ которомъ опредѣлялось, сколько могъ требовать панъ отъ крестьянина и что самъ для него обязанъ былъ дѣлать, но положеніе это къ дѣлу мало примѣнялось и не облегчило тяжелую судьбу бѣлорусскаго населенія. Для бѣлорусскихъ крестьянъ, можно сказать, не существовало никакой защиты; имъ на мысль не приходило приносить кому слѣдуетъ жалобы, а о существованіи помянутаго положенія они даже и не подозрѣвали. «Воля Божья и паньска» говорили они, терпѣливо перенося всѣ гнетущія ихъ невзгоды, по прежнему изнурялись на панской работѣ, по прежнему отдавали почти всѣ плоды трудовъ своихъ пану, который вносилъ только за нихъ казенный оброкъ. Вотъ какъ описываетъ бѣлорусскій народъ это тяжелое время въ одной изъ своихъ пѣсенъ:

Цеперь же намъ, пане браце, Содома, Содома!
Во нема въ насъ снопа жита ни въ полп, ни дома,
Было въ мене трохи жита зелена, зелена,
Да пожали вражьи ляхи безъ мене, безъ мене!
. . . . . .
Ославъ на насъ Богъ правдзивий цяжкую работу,
Увесь тыдзень на панщизни, шарварокъ въ субботу.

А въ недзѣлю пораненько во всѣ звоны звоняць,
Асоулы зъ козаками на панщизну гоняць;
Старыхъ людзей молоцици, жонокъ, дзѣвокъ прясци
Малыхъ дзѣтокъ до цюцюну у папушн класци.!

Это значитъ: „теперъ намъ, сударь братъ мой, также худо, какъ было худо жителямъ города Содома (который провалился, какъ разсказывается въ священномъ писаніи, сквозь землю), потому что нѣтъ у насъ снопа хлѣба ни въ полѣ, ни дома. Было у меня малость зеленаго хлѣба, да пожали вражьи т. е. злые поляки безъ меня. Послалъ на насъ праведный Богъ тяжелую работу: всю недѣлю на барщинѣ, господская же работа и въ субботу; а въ воскресенье, когда къ заутрени звонятъ, эсаулы съ казаками на барщину гонятъ: старыхъ людей молотить, женщинъ и дѣвокъ прясть, а малыхъ ребятъ—вязать въ пучки табакъ.“

Понятно будетъ послѣ этого, что некогда тутъ было бѣлоруссу и промыслы разводить, и заботиться о порядкѣ въ своемъ хозяйствѣ, когда отъ одной господской работы да жизни вѣчно впроголодь у него надрывались силы, опускались руки.

Долгія и тяжкія страданія, пріучивши бѣлорусса къ терпѣнію и какой-то простодушной безпечности, вдобавокъ пріучили его искать утѣшенія въ своей недоли въ винѣ. Бѣдняку прежде не для чего было стараться пріобрѣсти побольше, такъ какъ все равно:—рано или поздно, его избытки переходили къ пану. Поэтому, если заводились у него деньги, или случался избытокъ въ хозяйствѣ, онъ предпочиталъ пропить его въ корчмѣ. Хотя теперь настали и другія времена, но бѣлоруссу трудно скоро отстать отъ вкоренившейся глубоко привычки, тѣмъ болѣе, что отъ природы онъ любитъ повеселиться, развернуться, какъ говорится, «душа на распашку». Не далъ Богъ бѣлоруссу никакой роскоши избыточной; не далъ плода безъ труда, да за то щедро надѣлилъ его душу весельемъ. Хлебнетъ онъ зелена

вина, да загудитъ *дуда*, грянетъ лихая пѣсня и бѣлоруссъ забываетъ все:

Хадзи ты, хадзи я,
Хадзи печка, хадзи усе!

И пойдетъ у него такое веселье, словно онъ такъ и родился для однѣхъ пѣсенъ да плясокъ, и нужды никакой незнаетъ. Вотъ почему онъ и называется: «голый да вострый.»

Впрочемъ, не мало поддерживаютъ эту слабость бѣлорусскаго народа евреи, разсѣянные по всѣмъ угламъ Бѣлоруссіи. Евреи земли не пашутъ, ремесломъ заниматься тоже не любятъ, да за то торговать большіе охотники и мастера на это первой руки. Подобравши полы своихъ халатовъ, съ сдвинутой на затылокъ шапкой, изъ подъ которой торчитъ кончикъ ермолки и развѣваются длинные пейсы— пряди волосъ на вискахъ, носятся они во всякую погоду по мѣстечкамъ и деревнямъ, отыскивая гдѣ пахнетъ „ганделемъ“ т. е. торгомъ, будь онъ самый грошевый. Но какая тутъ торговля среди такого бѣднаго народа: на табакѣ, да на соли, да на «щиледкахъ», да на торговыхъ оборотахъ въ родѣ перекупки мѣрки муки или десятка яицъ, наживешь не много, а между тѣмъ и жена, и многочисленное потомство просятъ пить — ѣсть. Вотъ они и торгуютъ водкой, благо есть такой ходкій товаръ. Послѣ уборки хлѣба, да и въ прочее время, особенно предъ праздникомъ, цѣлые десятки возовъ, нагруженныхъ боченками и бутылками съ водкой и различными настойками, съ неизмѣннымъ евреемъ на облучкѣ, разъѣзжаются изъ городовъ и мѣстечекъ. При помощи этой водки, часто съ примѣсью одуряющихъ веществъ, разсказовъ разныхъ новостей, до которыхъ падки бѣлорусссы, какъ и всѣ жители глухихъ мѣстностей, мнимой угодливости, а подъ часъ и подарка какой нибудь бездѣлушки: пачки табаку и т. п., ловкій еврей такъ одуряетъ довѣрчивыхъ бѣлоруссовъ, что тутъ же за полцѣны покупаетъ у нихъ разныя произведенія

домашняго хозяйства: хлѣбъ, холстъ, нитки, кожи, яйца, воскъ, домашнюю птицу и т. п., обмѣривая, обвѣшивая и обсчитывая простодушныхъ продавцевъ, и чрезъ нѣсколько дней путешествія возвращается домой съ возомъ, нагруженнымъ всякимъ добромъ, снова запасается водкой и опять отправляется на добычу.

Если и уцѣлѣетъ что отъ такого нашествія, то пропивается въ корчмѣ. Здѣсь бѣлоруссъ снова встрѣчается съ евреемъ содержателемъ корчмы, который ничѣмъ не брезгуетъ, принимаетъ все, чтобы ни принесъ ему крестьянинъ и взамѣнъ угощаетъ водкой. Жидовская корчма въ Бѣлоруссіи—мѣсто общаго собранія людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, мѣсто отдыха послѣ работъ, сборища для совѣта, суда и праздничныхъ развлеченій; въ ней рѣшаются споры, заключаются условія, мировыя сдѣлки; въ ней же, въ праздничные дни, собираются парни съ дѣвицами и танцуютъ подъ скрипку, а чаще подъ свой народный инструментъ—*дуду*, въ родѣ волынки.

Но не однимъ виномъ донимаютъ евреи бѣдный бѣлорусскій народъ. Они захватили въ свои руки все, что мало-мальски приноситъ выгоду; всюду, куда ни повернись, вездѣ встрѣтишь еврея. Уже не говоря о томъ, что ни купить, ни продать ничего нельзя безъ еврея, всѣ промысы въ ихъ рукахъ: бѣжитъ-ли барка по рѣкѣ еврей—хозяинъ или прикащикъ, бѣлоруссы работники; плыветъ ли плотъ—тоже самое; на рыбномъ промыслѣ, на почтовой станціи, на перевозѣ—вездѣ и вездѣ еврей хозяинъ и распорядитель, бѣлоруссы работники, обсчитываемые имъ и обманываемые. Да и не перечесть всѣхъ способовъ, какіе можетъ изобрѣсть изворотливый еврейскій умъ, чтобы выжать лишнюю копейку. То, пользуясь честностью бѣлорусса, навяжетъ онъ ему, часто насильно, въ долгъ какую-нибудь сумму денегъ и потомъ вытянетъ отъ него въ десять разъ больше подъ предлогомъ уплаты процентовъ, всячески стараясь оттянуть уплату самаго долга; то, пользуясь простотою крестьянина, убѣдитъ его продать ему осенью корову или лошадь,

для того чтобы по веснѣ перепродать ее ему въ три дорога и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, благодаря вину и своему простодушію и, кстати сказать, невѣжеству бѣлорусъ живетъ вѣчнымъ данникомъ еврея и самъ того не замѣчая.

Но не въ одной бѣдности, безпечности и страсти къ вину оставили послѣ себя слѣды тяжкія невзгоды, которыя переносилъ въ былыя годы бѣлорусскій народъ. Они испортили его нравъ, забили, принизили его. Привышки въ теченіе долгаго времени теритъ гнетъ со всѣхъ сторонъ, изгибаться, колѣнопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только предъ паномъ помѣщикомъ, но и подпанкомъ —экономомъ (управляющимъ) и паномъ арендаремъ (евреемъ, арендующимъ корчму), бѣлоруссъ и до сихъ поръ остается лукавымъ, двоедушнымъ, недовѣрчивымъ, скрытнымъ со всякимъ, кто сколько нибудь похожъ на пана, будетъ-ли то чиновникъ, писарь или совсѣмъ посторонній человѣкъ. Раболѣпство же его и униженіе предъ всѣми, кто выше его, подъ часъ преступаютъ всякую мѣру.

Но такова крѣпость русской души, что и эти долгія невыносимыя бѣдствія и тяжелая жизнь до сихъ поръ не убили въ конецъ въ бѣлоруссахъ многихъ хорошихъ качествъ. Подобно своимъ предкамъ— кривичамъ и дреговичамъ,—бѣлоруссы весьма гостепріимны, добры, незлобивы, цѣломудренны. Они всегда готовы подѣлиться съ непмущимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба и рѣдко когда скажутъ просящему: «Богъ подастъ», какъ это дѣлается за частую въ другихъ мѣстахъ. Рѣдко они наносятъ обиду, еще рѣже помнятъ ее. Всякому, кто ласково, дружелюбно обратится къ нимъ съ просьбою объ услугѣ, если окажется возможность исполнить ее, они не откажутъ. Въ то же время они сами никогда не забываютъ оказаннаго благодѣянія и стараются, по мѣрѣ силъ, отблагодарить благодѣтеля.

Разбои, святотатства, грабежи, воровство, столь распространенные въ другихъ мѣстностяхъ, очень рѣдки между бѣлорусскимъ населеніемъ. Въ рабочее время въ бѣлорусскихъ деревняхъ не запираютъ ни

дворы, ни клѣти, хотя деревни остаются въ это время совершенно безлюдными. Въ полѣ оставляются телѣги, земледѣльческія орудія; лошади и всякій скотъ бродитъ безъ всякаго караула въ самыхъ отдаленныхъ отъ усадебъ мѣстахъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ бѣлоруссы очень набожны, твердо держатся православной вѣры и стараются строго соблюдать, предписываемые ея уставами, обряды. Въ дни важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, а особенно въ храмовые праздники, рѣдкій поселянинъ бѣлорусскій явится въ свой, всегда бѣдный и украшеніемъ, и утварью, храмъ Божій безъ посильнаго приношенія. Одинъ несетъ воску, другой льна, третій кусокъ холста и т. д. Люди пожилые, особенно женщины, говѣютъ по нѣсколько разъ въ годъ. Не только взрослые, даже дѣти, знаютъ употребительныя молитвы. Въ бѣдѣ-ли, въ болѣзни ли, бѣлоруссъ прежде всего обращается къ священнику, конечно если онъ хорошъ и заслужилъ уваженіе; всякое хозяйственное дѣло начинается съ его благословленія.

Но такая набожность не мѣшаетъ, однако, держаться среди бѣлоруссовъ многимъ обычаямъ, вовсе несовмѣстнымъ съ ученіемъ христіанскимъ. Такъ напримѣръ, рыболовы окуриваютъ свои сѣти, сожигая кусочки сгнившаго гроба и одежды утопленика, будучи убѣждены, что въ такія сѣти лучше пойдетъ рыба; покойнику кладутъ въ гробъ штофъ водки, трубку (ее курятъ въ Бѣлоруссіи даже женщины и дѣти) и другіе, любимые имъ при жизни предметы и т. под. Кромѣ того, дикость окружающей бѣлорусса природы, мракъ и таинственность лѣсовъ, длина и ширина ея болотъ, разнообразный говоръ двуногихъ и четвероногихъ животныхъ, населяющихъ ея лѣса и воды, даетъ неразумной его мечтательности и суевѣрію богатую пищу, пугаетъ его воображеніе призраками небывалыхъ лѣшихъ, русалокъ и т. п. Не умѣя объяснить себѣ окружающихъ его тайнъ изъ законовъ природы, бѣлоруссъ слышитъ въ крикѣ совы то вой лѣшаго, то хохотъ русалки, то плачь *упыря*, сосущаго

кровь спящаго человѣка. Пронесется-ли вихрь—это, по мнѣнію бѣлорусса, нечистая сила; пробѣжитъ-ли волкъ—это *вовкулакъ* т. е. оборотень и т. д.

Бѣлорусскій крестьянинъ суевѣренъ болѣе великорусса. Хотя послѣдній тоже вѣритъ всему, но не предаетъ своимъ вѣрованіямъ большаго значенія, между тѣмъ какъ бѣлорусскій крестьянинъ безусловно подчиняется всему.

Въ праздникъ бѣлорусскій крестьянинъ никому не даетъ огня.

Пятница пользуется у бѣлоруссовъ большимъ уваженіемъ, и работать въ этотъ день считается за большой грѣхъ. Есть у нихъ преданіе, что одна дѣвушка, по приказанію своей госпожи, работала въ этотъ день. Тогда къ ней пришла пятница и въ наказаніе приказала спрясть сорокъ мычекъ и занять сорокъ веретенъ. Дѣвушка испугалась и, не зная что дѣлать, обратилась за совѣтомъ къ старухѣ. Старуха посовѣтовала ей напрясть на каждое веретено по ниткѣ, и когда пятница пришла за работою, то сказала дѣвушкѣ: «догадалась». Въ этотъ день крестьяне на своихъ поляхъ не пашутъ, не боронятъ.

Бѣлоруссы соблюдаютъ новолуніе, полнолуніе и ущербъ мѣсяца; во время ущерба они не начинаютъ посѣва.

Лихорадка и горячка суть особыя существа, разгуливающія по свѣту. Выбранную жертву они, во время сна, называютъ по имени, и бѣда, если кто, проснувшись, откликнется на этотъ зовъ:—онъ непременно заболѣетъ.

По бѣлорусскому сказанію сотвореніе міра представляется въ видѣ драматической борьбы добраго верховнаго существа съ злымъ. Сущность этого повѣрья состоитъ въ томъ, что доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое, но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало Доброе существо хотѣло сдѣлать одинъ только черноземъ, но злое примѣшало къ чернозему глину и песокъ. Доброе существо хотѣло сдѣлать землю ровною, но злое, гдѣ только

могло, избороздило ее оврагами и набросало горы. Понятіе о сотвореніи перваго человѣка и первобытномъ блаженномъ его состояніи и о грѣхопаденіи составляютъ смѣсь священной исторіи съ вымысломъ. Замѣчательно то, что, по мнѣнію бѣлоруссовъ, первый человѣкъ былъ созданъ съ твердою кожей, на подобіе скорлупы, которой онъ лишился всѣдствіе ухищренія злого существа.

При устройствѣ нового жилья, огонь приносится непремѣнно съ стараго очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища этого сдѣлать нельзя, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ или что нибудь другое. При свадьбахъ, когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны въѣхать въ домъ черезъ огонь, который разводится передъ воротами.

Конечно, такія суевѣрія и предразсудки зависятъ не отъ чего иного, какъ отъ чрезвычайнаго невѣжества, въ которомъ до послѣдняго времени живутъ бѣлоруссы. Запертые окружающими ихъ болотами и лѣсами, часто лишенные по полугоду и болѣе возможности сообщенія даже съ окрестными мѣстами, бѣлоруссы живутъ уединенно, мало видятъ людей, мало могутъ узнать и научиться. Многіе изъ нихъ, особенно женщины, ростутъ, старѣются и умираютъ, не побывавъ дальше сосѣдняго мѣстечка на ярмарку, или погоста для службы церковной. Даже въ своемъ краѣ они стараются какъ можно больше разбрестись врозь. Поселки бѣлорусскіе малы, особенно же въ Витебской губерніи: домовъ пять, восемь, рѣдко десять и еще рѣже двадцать. Такихъ многолюдныхъ селъ, что насчитываютъ сотни, даже тысячи жителей, какія встрѣчаются въ Великой Россіи, въ Бѣлоруссіи нѣтъ.

Такая привычка брести врозь, унаслѣдованная можетъ быть бѣлоруссами отъ ихъ предковъ—кривичей и дреговичей, а можетъ быть и укрѣпившаяся отъ недостатка большихъ мѣстъ, удобныхъ для поселеній, разрушила среди бѣлоруссовъ мірскую, общинную связь: бѣлоруссъ не знаетъ общины-міра, землею владѣетъ не сообща, какъ вели-

БѢЛОРУССЫ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

коруссъ, а каждый своимъ участкомъ, въ чемъ онъ сходенъ съ малороссомъ; мало знакомъ онъ и съ артельнымъ дѣломъ. Семьей бѣлоруссъ, въ отличіе отъ великорусса и также сходно съ малороссомъ, не любитъ держаться большою; чуть выросъ парень, женился, онъ старается обзавестись своею, какою ни на есть, хатой и своимъ не мудрымъ хозяйствомъ. Впрочемъ, старшихъ онъ сильно почитаетъ и родни держится крѣпко.

Также крѣпко держится бѣлоруссъ стародавнихъ, прадѣдовскихъ обычаевъ, давно уже забытыхъ великоруссами и оставляемыхъ мало по малу малороссами. Многое, конечно, сохранилось и у великоруссовъ, но все не такъ какъ у бѣлоруссовъ. Игры-ли святочныя, семицкія и т. п., обряды ли свадебные—все у бѣлорусса выполняется радивѣе, веселье идетъ задушевнѣе. То, что для великорусса уже малопонятный остатокъ старины, пустой обрядъ, то для бѣлорусса еще полно смысла, близко его сердцу, онъ крѣпко дорожитъ имъ. Большая половина Великой Россіи, напримѣръ, давно уже позабыла древнерусскій весенній праздникъ Ивана Купала (въ ночь на 23 іюня) и знаетъ о немъ только, и то по наслышкѣ больше, что будто цвѣтетъ тогда папоротникъ, и кто достанетъ цвѣтъ его, тому легко даются клады. Не то въ Бѣлоруссіи: тамъ это повсемѣстный и самый веселый праздникъ.

На обширной полянѣ, поросшей травой и папортникомъ, расположенной гдѣ нибудь въ лѣсу на берегу ручья или озера, раскладываются пылающіе костры. Около этихъ костровъ располагается кучка мужчинъ или женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ цвѣточными и зелеными вѣнками на головахъ. Но вотъ потухла вечерняя заря, поднялась одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, вся убранная полевыми цвѣтами, подошла къ берегу, бросила въ воду цвѣточный вѣнокъ и звонкимъ, грустнымъ голосомъ запѣла купальную пѣсню:

Ахъ, купало, щобъ ты знау,
Якъ мнѣ цяжко жицо!

Ты, бачь, добрый, тыбъ сказау
Грици маму, Грици.

Бачь, кругомъ вода и лѣсъ,
Бачь, купало милый!
Маю хатку вѣцеръ знесъ
Мене пакинуу милый и т. д.

Но вотъ вспыхнули на небѣ звѣзды, близится время полуночи—время купальскихъ игръ. У костровъ зашевелились, грянула лихая пѣсня: «Ахъ, Купалочко Купався», закружились пары и пошло веселье, а потомъ прыганье черезъ огонь въ честь того-же Купалы—бога плодородія древнихъ славянъ. Смѣхъ, пѣсни и веселье не покидаютъ празднующихъ Купалѣ во всю ночь, до восхода солнца.

Замѣчателенъ также праздникъ свѣта, или, по бѣлорусскому выраженію «свѣча». Хозяинъ, устраивающій этотъ праздникъ, жертвуетъ въ пользу церкви извѣстное количество воска, изъ котораго дѣлается свѣча, сзываетъ родныхъ и знакомыхъ, которые также приносятъ съ собою воскъ и прилѣпляютъ его къ свѣчѣ хозяина. Когда свѣчей дойдетъ до пуда и болѣе, то призывается священникъ, который благословляетъ свѣчу и тогда она отправляется въ церковь. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, и чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ продолжительнѣе и хмѣльнѣе бываетъ праздникъ.

Особенно многими, всегда неуклонно соблюдаемыми, обрядами сопровождается заключеніе брака. Бракъ у бѣлоруссовъ, какъ впрочемъ и у простонародья Великороссіи, большею частію устраивается родителями жениха и невѣсты, а на то, по душѣ ли приходятся другъ другу они—мало обращаютъ вниманія. «Якъ бацька захоцетъ», говорятъ обыкновенно женихъ и невѣста. Женятся вообще рано; едва «дзѣцюкъ» (мальчикъ, юноша, парень) начнетъ подростать, какъ лѣтъ съ 12—15 уже родители начинаютъ подъискивать ему невѣсту. Лишь только выйдутъ годы, т. е. достигнетъ парень брачнаго возраста — засылаютъ сватовъ. Сватъ, пріѣхавши къ родите-

лямъ невѣсты и видя, что сватовство идетъ на ладъ, говоритъ: «я присланы кабъ бы у стоу застланы» и застилаетъ столъ скатертью, на которую ставитъ заранѣе приготовленную водку. Начинается подчиванье, при чемъ въ особенности пристаютъ къ невѣстѣ, которая въ знакъ согласія должна немного отпить. Въ это время поютъ и пѣсни:

Ѣхали сваты мимо гай (лѣсъ) зелены.
Мимо гай зелены, мимо садъ вишневы.
Садъ поломали, сакола согнали
У красной панночки прауды пытали:
Красна панночка, чи будешь наша?..... и т. д.

Въ заключеніе мать невѣсты обвязываетъ бутылку, въ которой была водка, поясомъ: это служитъ знакомъ, что сватовство принято благосклонно. Но это первое сватовство имѣетъ, такъ сказать, домашній характеръ. Черезъ нѣсколько дней назначается торжественное объявленіе состоявшагося сговора, — это день *запоинъ* или *закручинъ*, на которыя уже приглашаются родные и пріятели. Въ этотъ день женихъ, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, непремѣнно долженъ застать ее на печкѣ и если навѣста, по просьбѣ *зарады* или *маршалка* (свата), слѣзетъ съ печи — это значитъ, что она принимаетъ предложеніе жениха—и дѣло можно считать покончеинымъ.

На послѣдней недѣлѣ передъ свадьбой женихъ и невѣста ходятъ каждый по своей деревнѣ, если они изъ разныхъ мѣстъ, имѣя при себѣ нѣсколько кусковъ хлѣба. Пришедши въ хату, они кладутъ на столъ кусокъ хлѣба и просятъ хозяина на свадьбу: «прошу Бога и васъ, будьце ласковы, придзице на веселе до насъ». На это имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «Дзякуй (благодарю) табѣ голубка (или голубокъ) за добрыя слова. Прыйдземъ на веселе». Вѣнчанье обыкновенно стараются устроить въ воскресенье, въ субботу же, наканунѣ, снова женихъ и невѣста ходятъ по хатамъ, кланяются въ поясъ старому и малому, прося благословенія. Имъ отвѣчаетъ: «нехай цебѣ Богъ благословиць счасцемъ и долей.»

Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты собираются родные, и невѣста среди пѣсень обязана плакать. Передъ отъѣздомъ всѣ садятся и послѣ извѣстной пѣсни и благословенія родителей женихъ отправляется за невѣстою вмѣстѣ съ поѣзжанами. Когда поѣздъ жениха приближается къ деревнѣ невѣсты, дружка жениха, который долженъ быть краснобаемъ, отправляется въ избу и проситъ у невѣстина отца обогрѣться и переночевать. «Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ гости». Такъ дѣлается до трехъ разъ, при чемъ въ послѣдній разъ дружка истощаетъ все свое краснорѣчіе, разказываетъ о своемъ путешествіи съ товаромъ по разнымъ городамъ, далекимъ странамъ, гдѣ онъ искалъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, но не нашелъ, убѣдительно проситъ сжалиться надъ нимъ и обѣщаетъ заплатить за ночлегъ. Наконецъ, его впускаютъ въ избу, а свашки начинаютъ пѣть подходящія пѣсни. Во все это время женихъ и его свашки стоятъ на дворѣ и поютъ пѣсни.

По окончаніи пѣсни, дружко выходитъ изъ избы, вводитъ жениха и поѣзжанъ въ избу, гдѣ невѣста сидитъ за накрытымъ столомъ подъ иконами, окруженная своими родными и гостями. Въ это время начинаютъ играть музыканты, а на столѣ между тѣмъ поставлено разное угощеніе. Дружко обращается къ сидящимъ за столомъ съ просьбою пустить жениха и гостей за столъ и подноситъ имъ водку. Выпившіе выходятъ, а не пившіе входятъ въ избу. Только когда будетъ поднесено всѣмъ гостямъ, женихъ и его гости допускаются къ столу. Затѣмъ обѣими сторонами дѣлаются взаимные подарки, а потомъ принимаются за пиръ. Вставъ изъ за стола, всѣ выходятъ на дворъ, гдѣ *сводятъ* жениха и невѣсту, причемъ послѣдняя старается, какъ бы нечаянно, наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ власть. Послѣ этого женихъ и невѣста берутся за руки и всѣ съ пѣснями возвращаются въ избу.

Въ день вѣнчанія братъ или кто нибудь изъ родныхъ расплетаетъ невѣстѣ косу, держа въ рукѣ ножъ и показывая намѣреніе от-

рѣзать косу. Дружка жениха вступается за невѣсту и сначала расплетающему грозитъ палкою, потомъ переходитъ къ просьбамъ и успѣваетъ наконецъ умилостивить его деньгами. Передъ отправленіемъ къ вѣнцу каждый долженъ что нибудь подарить невѣстѣ.

Присѣвъ на нѣсколько минутъ, всѣ встаютъ, молятся; отецъ и мать благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью и затѣмъ ѣдутъ въ церковь, причемъ поѣздъ жениха слѣдуетъ впереди невѣстина.

По пріѣздѣ молодыхъ отъ вѣнца, отецъ и мать молодой встрѣчаютъ ихъ хлѣбомъ, при чемъ мать одѣваетъ на выворотъ кожухъ и шапку. Женихъ даритъ свекрови денегъ, и за деньги же покупаетъ у брата невѣсты мѣсто за столомъ. При этомъ поется пѣсня:

Убралася цеща въ овчину,
Хацѣла зятя злекаци (испугать),
Не хацѣла дочки отдаци.
Ой, братъ не братъ—татаринъ
Продалъ сестроньку за талеръ,
А русу косыньку за шостакъ (3 к. с.),
Бѣло личко отдау такъ.
Зажги, матко, свѣчку,
Выйдзи къ намъ на стрѣчку.
Прими двонхъ дзѣтокъ,
Двонхъ однолѣтокъ.... и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ пиръ.

Во время крестинъ или *хрезбинъ* непремѣнно варятъ кашу. Въ день крестинъ, во время обѣда, дѣти подходятъ къ дому родильницы съ пѣтухомъ—если новорожденный мальчикъ, и съ курицею—если дѣвочка, и царапаютъ подъ окномъ до тѣхъ поръ, пока получатъ кашу и кусокъ пирога. Если новорожденный—дѣвочка, то по окончаніи обѣда кума бѣжитъ изъ избы и берется или за ведро, или за коромысла, или за какой либо предметъ, составляющій принадлежность женской работы. Если же мальчикъ, то изъ избы, въ свою оче-

редь, бѣжитъ кумъ и хватается за топоръ или какой нибудь другой предметъ мужской работы. Новорожденному, прежде чѣмъ дать груди, мажутъ губы—мальчику бурачнымъ сокомъ, а дѣвочки—морковнымъ.

Было бы слишкомъ долго описывать всѣ какъ свадебные, такъ и другіе обряды бѣлоруссовъ, какъ то святочные, пасхальные семицкіе и т. п., въ которыхъ, впрочемъ, бѣлоруссы сходны съ великоруссами, особенно же съ малороссами. Но нельзя не упомянуть о празднованіи памяти умершихъ. Этотъ праздникъ называется «дзяды» (предки) и совершается нѣсколько разъ въ годъ. Онъ заключается въ томъ, что въ извѣстные дни крестьяне торжественно вызываютъ тѣни своихъ отцовъ и прадѣдовъ, воображая, что они живутъ и присутствуютъ нераздѣльно съ ними. Особенно торжественно праздную̀тся «дзяды» осенью, въ субботу на третьей недѣлю послѣ Покрова Богородицы, такъ называемые «димитровки». Всякій хозяинъ старается къ этому дню прибрать почище свой дворъ, а хозяйки хату и приготовить обильную пищу. Чистота и хорошія явства, по повѣрью бѣлоруссовъ, приманиваютъ души усопшихъ и доставляютъ пріятность и радость. Кто позажиточнѣе—старается собрать къ себѣ родныхъ и знакомыхъ. Лишь только настанетъ вечеръ, старшій глава семейства зажигаетъ восковую свѣчу, прикрѣпляетъ ее въ углу покутя и начинаетъ молитву. По совершеніи ея, свѣча тушится и всѣ разсаживаются около стола съ кушаньями, среди которыхъ поставлены пиво и вино. Тотъ, кто читалъ молитву, при всеобщемъ благоговѣніи, говоритъ слѣдующія слова:

Святы дзяды завіомъ васъ,
Хадзице до насъ!
Іосць тутъ усіо, што Богъ дау,
Што я для васъ ахвіровау (приготовилъ),
Чимъ только хата
Богата!
Святы дзяды! просимъ васъ,
Хадзице ляцице до насъ.

Затѣмъ наливаетъ рюмку водки такъ, чтобы изъ нея пролилось нѣсколько капель на столъ (это для дѣдовъ) и выпиваетъ; всѣ старшіе и взрослые пьютъ также, проливая немного. Ѣсть не начинаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ каждаго кушанья не отольютъ по ложкѣ и не отложатъ по кусочку въ особый сосудъ, который потомъ ставятъ на окошко или даже за окошкомъ, если есть удобное для этого мѣсто. Приготовивъ такимъ образомъ для дѣдовъ, начинаютъ ѣсть, пить, но бесѣда ведется серьезно, веселье не допускается. По окончаніи ужина встаютъ изъ за стола и прощаются съ своими незримыми гостями:

Святые дзяды! вы сюда прилящѣли,
Полицѣли.
Ляците-жь цяперь до сябя,
Скажите, чаго ящо вамъ треба
А лѣпій (лучше) ляците до неба.

Подобное же празднество совершается на Ѳоминой недѣлѣ (послѣ Пасхи) въ такъ называемую *радаунщу*. Оно отличается тѣмъ только, что печальное торжество совершается на кладбищѣ и съ большею чувствительностью. Родственники собираются послѣ полудня, окружаютъ могилу почетнѣйшаго изъ умершихъ, покрываютъ ее бѣлою скатертью, уставляютъ кушаньями, пивомъ и виномъ и садятся. Наливъ немного вина на могилу, старшій изъ присутствующихъ восклицаетъ:

Святые радзицели,
Што одъ насъ паляцѣли,
Хадзице къ намъ,
Будзимъ ясци, што Богъ дау.....

Послѣ угощенья, болѣе близкіе родственники начинаютъ «галашенья», въ которыхъ оплакиваютъ умершихъ, другіе катаютъ яица, бесѣдуютъ, снова угощаются и такъ часто до поздней ночи. Уходя,

оставляютъ на могилахъ кушанья и напитки въ увѣренности, что умершіе будутъ ѣсть ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти и многіе подобные имъ обычаи бѣлоруссовъ есть не что иное, какъ остатки древняго, еще дохристіанскаго быта.

Самые же похороны совершаются тѣмъ же порядкомъ, какъ и у великоруссовъ. При этомъ замѣчаютъ трупъ покойника. Если онъ мягокъ и всѣ суставы его свободно двигаются, то изъ семейства умершаго надо ожидать въ скоромъ времени другаго покойника. Того же самого слѣдуетъ ожидать, если человѣкъ умираетъ съ открытыми глазами. Родные покойника, въ теченіе девяти дней по его смерти, кладутъ на окошкахъ хлѣбъ, соль и воду, полагая, что душа въ это время еще находится на землѣ и каждую ночь прилетаетъ ѣсть и пить.

Въ дни кончины родителей и родственниковъ совершаются поминки, при чемъ кромѣ кутьи, лепешокъ и блиновъ, пекутъ, варятъ и жарятъ все, что любилъ покойникъ. Когда кушанья готовы, то прежде всего кладутъ на столъ, покрытый чистою скатертью, хлѣбъ и на него лепешку, которую, по убѣжденію крестьянъ, покойникъ будетъ ѣсть. Затѣмъ ставятъ остальныя кушанья, зажигаютъ предъ иконами восковыя свѣчи и лампаду, курятъ ладаномъ, а старшій въ семействѣ читаетъ молитву и совершаетъ поминовеніе. Послѣ этого садятся за обѣдъ. Достаточные крестьяне для поминовенія приглашаютъ нищихъ, которые, стоя на улицѣ, поютъ слѣдующее:

Кто свой родъ поминаетъ,
Тотъ счастливъ у Бога бываетъ.
Отецкія молитвы со дна моря вынимаютъ,
Отъ пекельныхъ *) мукъ избавляютъ.
Подарите насъ царскимъ имячкомъ,
Или своимъ рукодѣльнымъ полоценецкомъ

*) Адскихъ.

БѢЛОРУССЫ МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

По окончаніи этой пѣсни, къ нищимъ выходитъ хозяинъ дома, называетъ имена умершихъ, которымъ нищіе, угощенные по возможности, поютъ вѣчную память.

Такимъ образомъ хозяйственный бытъ, характеръ, вѣрованія, обычаи бѣлоруссовъ почти тѣ же самые, каковы были бытъ, характеръ, вѣрованія и обычаи древнихъ славянъ въ первое время основанія русскаго государства. Вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ бѣлоруссы образовали отдѣльный народъ, а между тѣмъ и въ веденіи домашняго хозяйства, и въ устройствѣ жилищъ и въ одеждѣ, и въ языкѣ все у нихъ обстоитъ такъ, какъ обстояло во времена стародавнія. Великоруссы построили города, развели промыслы, завели фабрики и заводы, или разбрелись по далекимъ краямъ, отыскивая лучшей доли, а бѣлоруссы сидятъ на насиженныхъ мѣстахъ, пашутъ скудную землю, какъ пахали ее ихъ предки за десять вѣковъ назадъ, или ловятъ птицъ, звѣря и рыбу, изрѣдка отлучаясь отъ дому на сплавъ, да на земляныя работы и мало помышляютъ, что много на свѣтѣ людей, что живутъ лучше ихъ и что не худо бы и имъ получше устроиться дома.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что за послѣдніе годы въ жизнь бѣлоруссовъ, хотя и слишкомъ еще мало, начинаютъ проникать новые порядки. Освобожденіе отъ власти панской, надѣленіе крестьянъ землею послужило основой улучшенія хозяйственнаго быта бѣлоруссовъ. Теперь у крестьянина есть время и за своимъ хозяйствомъ блюсти, и промыслы разводить. Дѣйствительно, начинаютъ изрѣдка появляться по мѣстамъ хотя и курныя, но все таки новыя избы, лишняя корова и лошадь въ хозяйствѣ, даже въ торжественныхъ случаяхъ сапоги на ногахъ, вмѣсто измызганныхъ лаптей. Четыре желѣзнодорожныя линіи пересѣкли глухой бѣлорусскій край. Начинаютъ въ Бѣлоруссію заглядывать великоруссы и другіе заѣзжіе люди, и сами бѣлоруссы мало по малу почаще привыкаютъ выглядывать изъ своихъ болотъ и лѣсовъ. Заводятся по селамъ школы

скоро можетъ быть введется тамъ и земство и предпринимаются правительствомъ мѣры къ осушенію бѣлорусскихъ болотъ. Можно надѣяться, что мало по малу хозяйственный бытъ бѣлоруссовъ улучшится: теперь они еще мало заботятся объ его улучшеніи потому, что и то, что теперь у нихъ есть, уже кажется имъ богатствомъ сравнительно съ прежнимъ. Съ развитіемъ образованія, приглядѣвшись къ жизни и промысламъ въ другихъ мѣстахъ, съумѣютъ со временемъ бѣлоруссы лучше пользоваться дарами своей природы, возьмутъ въ свои руки хозяйское дѣло своего края и выйдутъ изъ кабалы своихъ притѣснителей—евреевъ. Просвѣтлятся тогда и тѣ темныя стороны, которыя замѣтны въ ихъ характерѣ и бытѣ, каковы: раболѣпство, безпечность, страсть къ вину, суевѣрія и т. п., и сдѣлаются бѣлоруссы во всемъ равными членами общерусской великой семьи.

IV. ПОЛЯКИ.

Характеръ, одежда, жилища.

Поляки существенно отличаются наружностью отъ великоруссовъ. Они не такъ высоки ростомъ, голова у нихъ меньше, руки и ноги изящнѣе и лицо круглѣе. У поляковъ низшихъ классовъ, обыкновенно, глаза голубые или сѣрые, не особенно выразительные, и русые волосы. У женщинъ, живущихъ въ южныхъ мѣстностяхъ Польши, глаза большіе голубые, привздернутый носъ, полное лицо и маленькіе ноги.

Краковяки—отрасль польскаго народа, населяющая южные предѣлы Радомской губерніи—самое красивое изъ польскихъ племенъ. У нихъ темные волосы и свѣжія, бѣлыя лица.

Польское дворянство рѣзко отличается отъ массы народа. У дворянъ, большею частью, выразительная физіономія, волосы и глаза темные и часто орлиный носъ. У женщинъ высшихъ классовъ красивыя и интересныя лица. Онѣ высоки ростомъ, стройны, волосы у нихъ очень темные, цвѣтъ лица нѣжный; вся ихъ наружность и осанка дышетъ благородною гордостью.

Характеристическія черты поляковъ: горячая, страстная любовь къ отечеству, къ родимому пепелищу, къ своему народу и фанати-

ческая преданность католической церкви. Они одарены живымъ, блестящимъ умомъ и способностями къ наукамъ и искусствамъ. Духъ воинственности свойственъ всѣмъ полякамъ. Они всегда и вездѣ отличаются, какъ превосходные солдаты, особенно въ кавалеріи.

Полякъ съ дѣтства охотится по полямъ верхомъ на лошади, безъ сѣдла и такимъ же образомъ сопровождаетъ стада на пастбища. Даже на торгъ на рынкѣ, бывающій разъ въ недѣлю, мужчины охотнѣе ѣдутъ верхомъ, чѣмъ въ телѣжкахъ.

Поляки вообще народъ веселый, общежительный и гостепріимный; чувство приличія развито даже въ самомъ бѣдномъ крестьянинѣ. Польскіе крестяне любятъ трудъ и сознательно относятся къ выполненію своихъ обязанностей, но они не чувствуютъ потребности къ чистотѣ и порядку и любятъ выпить.

Темпераментъ поляковъ отличается страстностью, подвижностью и живостью.

Полякъ такого гибкаго характера, что никогда не унываетъ. Тщеславіе играетъ важную роль въ его жизни. За мимолетныя удовольствія, доставляемыя удовлетвореніемъ этого чувства, онъ нерѣдко жертвуетъ своимъ состояніемъ. Упрекаютъ также поляковъ въ легкомыслiи, въ недостаткѣ практичности въ житейскихъ дѣлахъ и въ склонности къ неправильной жизни.

Поляки образованныхъ классовъ и аристократы отличаются ловкостью пріемовъ и изящнымъ, любезнымъ обращеніемъ, отчего общество ихъ очень пріятно.

Мелкіе, обѣднѣвшіе дворяне (шляхта) рѣдко выдѣляются изъ общей массы народа. Шляхтичъ часто также необразованъ, какъ и крестьянинъ, также бѣденъ и грубъ, но гордъ и мужественъ. Глубокое, національное чувство, одушевляющее его еще сильнѣе, чѣмъ офранцузившуюся аристократію, дѣлаетъ его представителемъ настоящаго польскаго типа. Это замѣтно даже въ его наружности и осанкѣ, выражающей какое-то достоинство, что-то воинственное

и аристократическое, даже тогда, когда онъ идетъ босой за плугомъ обработывая свою землю или участокъ, который арендуетъ съ названьемъ фермера.

Братство съ высшимъ дворянствомъ,—по оружію и по воинственнымъ предпріятіямъ—позже, право подавать голосъ въ пользу избранія короля, вѣроятно, также отчасти происхожденіе (сарматское), не одинаковое съ происхожденіемъ простаго селянина, запечатлѣли наружность, осанку и чувства шляхтича тѣми особыми чертами, которыми онъ разнится отъ массы простолюдиновъ. Кавалерійскіе полки, которые, во время войнъ Наполеона, оказали ему такія важныя услуги и пріобрѣли такое почетное право на его благодарность, состояли большею частью изъ мелкой шляхты, всегда отличавшейся въ первыхъ рядахъ. Благодаря чрезмѣрно развитому самолюбію, шляхтичи не могутъ еще забыть вполнѣ прежнихъ правъ своихъ и прежняго положенія.

Шляхтянки любятъ выказываться и заражены претензіями; онѣ требуютъ уваженія и почета, что какъ-то не вяжется съ ихъ матерьяльнымъ положеніемъ и необразованостью.

Страсть къ музыкѣ и въ особенности къ танцамъ свойственна всѣмъ полякамъ. Въ каждой деревнѣ или мѣстечкѣ, трудовой народъ собирается подъ вечеръ въ шинкѣ или въ корчмѣ, и здѣсь, подъ звуки скрипки, пляшутъ національные танцы. Полякъ пляшетъ ото всей души съ такимъ увлеченіемъ, которое ясно доказываетъ, что пляска для него истинное наслажденіе, заставляющее его забывать всѣ невзгоды.

Въ каждомъ панскомъ и даже шляхетскомъ домѣ непремѣнно есть гитара. Дѣвицы разыгрываютъ на ней сантиментальные, а молодые шляхтичи страстные романсы, съ тою восторженностью и аффектаціею выраженія, которыя часто встрѣчаются въ полякахъ. Паненьки весело танцуютъ подъ аккомпаниментъ скрипки или фортепьяно, которое называютъ *пантелеонъ*, кадрили, вальсы и мазурку. Шляхтинское

общество представляетъ особый кругъ, въ которомъ бѣдность рѣзко противорѣчитъ съ барскими замашками. Въ кругу этомъ сохранились слѣды высшихъ интересовъ и отпечатокъ нѣкогда блестящаго образа-жизни.

Коренное польское населеніе, *мазуры*, или *мазовшане*, славятся веселымъ характеромъ; они любятъ погулять и покутить, и отличаются чертами, свойственными всѣмъ полякамъ: откровенностью и храбростью и беззаботностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно настойчивы и мстительны. Вообще, въ характерѣ ихъ есть какое-то удальство, проглядывающее даже въ ихъ національномъ танцѣ—мазуркѣ. Въ польскихъ поговоркахъ мѣтко выражается характеръ мазуровъ: «*Конь турекъ* (турецкій), *хлопъ мазурекъ, шапка майнерка, сабля венгерка*», говорятъ поляки, подразумѣвая подъ этимъ лучшіе изъ названныхъ предметовъ. *Мазуръ* выставляется здѣсь какъ лихой малый и отличный наѣздникъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко говорятъ «*упрямый мазуръ, слѣпой мазуръ*», намекая въ этомъ случаѣ на упрямство и настойчивость мазуровъ. Мазуры очень набожны, но между ними сильно развиты суѣверія и предразсудки, оставшіеся отъ языческихъ временъ и поддерживаемые полнымъ невѣжествомъ и необразованностью. Они не особенно трудолюбивы, но и потребности ихъ очень ограниченны. Страсть къ пиву и водкѣ распространены между ними.

Кракусы, или краковяки, народъ веселый, здоровый и трезвый. Въ страшную непогоду, слякоть, вѣтеръ и морозъ, краковякъ, легко одѣтый, идетъ такъ спокойно, что невольно удивляешься на него. Распѣвая, пашетъ онъ землю и, распѣвая, сражается за нее. Пѣсни ихъ отличаются характерическимъ напѣвомъ, похожимъ на мотивъ краковяка.

Нерѣдко танцоры импровизируютъ во время танца веселые куплеты,—цѣль которыхъ разсмѣшить общество.

Въ несчастіи, краковякъ никогда не теряетъ присутствія духа

и съумѣетъ вывернуться изъ бѣды. Вообще, это народъ смышленый, способный и трудолюбивый. Конечно, этому много способствуетъ то, что населенная ими мѣстность Польши отличается плодородіемъ, хорошимъ климатомъ и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Краковяки охотно поддаются просвѣщенію, и между ними меньше предразсудковъ и суевѣрій, чѣмъ между остальными поляками. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они мстительны. Они любятъ, какъ и всѣ поляки, чтобы съ ними обращались ласково и вѣжливо; на грубость же всегда готовы отвѣчать грубостью.

Говорятъ они громко и медленно.

Ближайшіе родичи краковяковъ, *сандомѣржцы* (сандомірцы), отличаются отъ краковяковъ многими рѣзкими чертами. Они рослѣе и сильнѣе краковяковъ. Характеръ ихъ серьезный, даже отчасти мрачный. Слово свое держатъ твердо, отчего произошла польская поговорка: «Надѣйся на него, какъ на сандомѣржца». Вообще же, сандомѣржцы, по быту своему, напоминаютъ малороссовъ.

Курпіки, или, какъ ихъ многіе называютъ, просто поляки, въ прежнія времена славились необыкновеннымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ и воинственностью, что обусловилось бытомъ этого народа, жившаго въ обширныхъ и непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ. Въ настоящее время они значительно утратили свою воинственность, но и до сихъ поръ дремучій лѣсъ, хорошее ружье и охотничья сумка составляютъ драгоцѣнѣйшіе предметы для каждаго курпика. Бытъ ихъ бѣденъ, въ чемъ много виновата страсть ихъ къ водкѣ. Названіе ихъ происходитъ отъ слова *курпе*—лапти. Они вообще похожи на литовцевъ, такъ какъ представляютъ смѣсь мазуровъ съ остатками ятвяговъ, родственныхъ литовскому племени.

Подляхи—племя, происходящее, какъ полагаютъ, отъ смѣси бѣлоруссовъ съ поляками—смуглы, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, медленны, неповоротливы, съ угрюмымъ выраженіемъ лица. Музыка и пѣсни ихъ отличаются заунывнымъ характеромъ.

Высшее дворянство одѣвается въ Польшѣ совершенно по европейски. Оно сохранило отъ стариннаго національнаго костюма только короткіе казакины, вышитые шнурками, которые еще видны иногда Шляхтичи носятъ или такіе казакины, или длинный сюртукъ, расшитый по краямъ шнурками, — шапку изъ сѣрыхъ барашковъ, цилиндрической формы съ украшеніями сзади изъ узкой тесьмы, или также сѣрую баранью шапку пониже, дно которой состоитъ изъ четыреугольнаго куска матеріи, и широкіе панталоны, запущенные въ сапоги. На сюртукѣ находятся сзади два кармана, расшитые шнурками или опушенные мѣхомъ; цвѣтной га́лстухъ, отложные бѣлые воротнички отъ рубашки дополняютъ костюмъ. Все шляхетство брѣетъ бороду и бакенбарды, и отпускаетъ усы.

Польскія дамы очень любятъ въ своемъ нарядѣ что нибудь оригинальное, бросающееся въ глаза. Иногда, въ деревняхъ онѣ любятъ одѣваться по мужски. Шляхтянки одѣваются просто, но по модѣ; если онѣ не принадлежатъ къ числу домашней прислуги, что часто случается въ большихъ селеніяхъ, то ихъ тотчасъ же можно отличить по одеждѣ отъ крестьянокъ.

Крестьяне одѣваются различно, смотря по мѣстностямъ, но вообще костюмъ ихъ похожъ на шляхетскій. Разница только въ томъ, что ткани, употребляемыя крестьянами, грубѣе, мѣшковатѣе. Всѣ поляки носятъ бѣлую, холщевую рубашку, съ прорѣшкою на груди и отложнымъ воротничкомъ, связаннымъ спереди узкою, цвѣтною ленточкою. Сапоги они носятъ такіе же, какъ и дворяне, но лѣтомъ обыкновенно ходятъ босые. Панталоны у нихъ широкіе, запущенные въ сапоги. Верхняя одежда различнаго покроя и цвѣта, смотря по мѣстностямъ. Крестьяне, какъ и шляхтичи, брѣютъ бороду, но отпускаютъ усы.

Костюмъ крестьянокъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубашки съ длинными рукавами, застегнутыми у кисти, и широкой юбки съ малочисленными складками, чаще всего полосатой; сверхъ юбки повязы-

ваютъ передникъ; кромѣ того носятъ онѣ курточку, зашнурованную напереди, и родъ короткаго кафтана. Ноги обуваютъ въ чулки и башмаки. Замужнія женщины носятъ чепецъ, вокругъ котораго повязываютъ платокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ голову повязываютъ платкомъ, одинъ конецъ котораго спускается на затылокъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя ниспадаютъ по плечамъ; концы косъ украшены лентами. Зимою, мужчины и женщины носятъ овчинные полушубки.

Мазуры, или *мазовшане* (Плоцкой губерніи), носятъ кафтанъ, называемый сукманою, черный, сѣрый или бѣлый, обшитый по швамъ разноцвѣтною тесьмою. Они подпоясываются ремнемъ или краснымъ шерстянымъ поясомъ; лѣтомъ носятъ обыкновенно низкую шляпу съ широкими полями, часто украшенную павлиньимъ перомъ. Въ праздники ходятъ въ сапогахъ, а въ будни на босую ногу.

Близъ Калиша (Варшавской губерніи) очень употребительны короткіе кафтаны безъ рукавовъ, перехваченные краснымъ поясомъ. Сверхъ нихъ надѣваютъ длинный, широкій плащъ.

Праздничный костюмъ краковяковъ чрезвычайно своеобразенъ. Они носятъ темную или красную шапку, четыреугольной формы, называемую конфедераткою; зимою шапка эта опушена барашкомъ, лѣтомъ же—убирается лентами и перьями. Сверхъ бѣлой рубашки, завязанной у ворота ленточками, надѣваютъ сукману, преимущественно синюю, коричневаго или бѣлаго цвѣта, со стоячимъ воротникомъ и откиднымъ *краганомъ*, въ видѣ пелеринки, ниспадающей до половины спины. Сукмана и краганъ обшиваются по краямъ шнурками—красными, желтыми и другихъ цвѣтовъ. Подпоясываются краковяки ремнями, украшенными мѣдными гвоздиками и колечками разнообразной формы; часто ими украшается и самая сукмана. Сапоги подбиваютъ желѣзными подковками, съ помощью которыхъ очень ловко взбираться на горы.

Женщины носятъ спенсеры, сшитые очень граціозно съ выемка-

ми на бокахъ, такъ что они превосходно обрисовываютъ станъ. Изъ подъ спенсера видна рубашка, завязанная лентами; воротничекъ, наплечники и рукава рубашки вышиваютъ красною бумагою; юбки довольно коротки, немного ниже колѣнъ. Женщины повязываютъ голову платками или же одѣваютъ чепчики и сѣтки. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ косы, украшенныя лентами, а въ праздникъ надѣваютъ повязки въ родѣ малороссійскихъ. Обувь состоитъ изъ полусапожекъ, съ высокими каблучками, обитыми жестью.

Сандомѣржцы носятъ сукманы безъ перелинокъ и безъ блях ъ и высокія бараньи шапки. У женщинъ рубашки другаго покроя.

Курпики носятъ бѣлыя рубашки, бѣлые жилеты и полотняные или суконные панталоны въ обтяжку, небольшія круглыя шляпы, коричневые кафтаны и лапти.

Подляхи носятъ низенькія шапки съ околышемъ изъ барашка, темнокоричневую сукману, подпоясанную шерстянымъ поясомъ, и холщевые панталоны, заправленные въ высокіе сапоги, съ огромными каблуками, подбитыми подковами. Въ будни носятъ лапти изъ липовой коры, а иногда изъ кожи, поверхъ онучъ, перевязанныхъ бичевками.

Женщины также носятъ лапти, сукману и короткую шерстяную юбку. На голову надѣваютъ особаго рода чепецъ, обвитый *платомъ*, т. е. кускомъ бѣлаго полотна, концы котораго спускаются на плечи, ниже пояса.

Польскіе простолюдины, живущіе въ губерніяхъ Могилевской, Витебской и Минской, частью въ Гродненской и Виленской, носятъ рубаху съ прорѣшкой на груди, застегнутую у ворота на пуговицу, и литовское полукафтанье, называемое *литевкою*, съ прямымъ воротникомъ и цвѣтными отворотами. Такъ какъ поляки, живущіе въ этихъ губерніяхъ, держатъ только бѣлыхъ барановъ и овецъ, то грубое сукно для этихъ *литевокъ* ткется всегда изъ бѣлой или свѣтло-сѣрой шерсти. Покрой *литевки*, какъ и бараньей шубы, очень

некрасивъ. Поверхъ какъ той, такъ и другой, надѣваютъ широкій, кожаный поясъ, застегивающійся пряжкою изъ луженаго желѣза.

Женщины носятъ чепчикъ, сверхъ котораго также повязываютъ платокъ съ концами, вышитыми красною бумагою. Верхняя одежда, родъ кофты, обыкновенно яркаго цвѣта. Въ праздничные дни, сверхъ нея, надѣваютъ еще корсажъ безъ рукавовъ, а сверхъ корсажа еще родъ холстиннаго платка, концы котораго также вышиты красною бумагою. Молодыя дѣвушки не носятъ чепца; онѣ заплетаютъ волосы въ косы, ниспадающія по плечамъ.

Въ Польшѣ и въ западныхъ русскихъ губерніяхъ относительно больше городовъ, чѣмъ собственно въ Россіи, но города эти не обширны и немноголюдны. Они не представляютъ уже, какъ прежде, пунктовъ централизаціи и имѣютъ значеніе только въ торговомъ отношеніи. Собственно городовъ въ Польшѣ 115; если же прибавить къ нимъ значительныя мѣстечки, пользующіяся такими же правами какъ и города, то число это увеличится до 453, изъ которыхъ 228 принадлежатъ отдѣльнымъ владѣльцамъ. Польскіе города и, большая часть мѣстечекъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ поляковъ и на-половину изъ евреевъ, нисколько не похожи на русскіе. Дома въ нихъ, большею частью, примыкаютъ одинъ къ другому. Они каменные или изъ бревенъ и кирпича, крыши черепичныя. Внутри они, вообще, тѣсны. Въ каждомъ городѣ есть церковь, больше въ готическомъ стилѣ, монастырь (klachtor) и четырехсторонняя площадь, на которой помѣщается ратуша. Четвертая часть населенія живетъ въ городахъ; пропорція эта совершенно противуположна пропорціи распредѣленія жителей въ Европейской Россіи и доказываетъ совершенно иную степень цивилизаціи и иное соціальное положеніе. Изъ 22,613 польскихъ деревень 17,837 принадлежатъ частнымъ лицамъ; онѣ вообще меньше русскихъ деревень; нѣкоторыя даже очень невелики. Обыкновенно, онѣ примыкаютъ къ господскому двору или образуютъ группы домовъ (фольварки), стоящія отдѣльно отъ главна-

го помѣстья; фольваркомъ завѣдуетъ управляющій, собирающій отдѣльно доходы съ него. Деревенскіе дома большею частью малы и плохой постройки, но очень хорошо крыты гонтомъ, чаще же соломою. Стѣны ихъ изъ тонкихъ бревенъ или просто глиняныя. Полы также изъ битой глины часто даже въ шляхтянскихъ домахъ. Окна очень малы, и внутренность жилища не радуетъ взгляда видомъ комфорта и чистоты.

Впрочемъ, краковяки живутъ въ хорошихъ, чистыхъ домахъ большею частью деревянныхъ, также въ плетневыхъ мазанкахъ, выбѣленныхъ снаружи и внутри и крытыхъ соломою. При домикахъ есть палисадники съ цвѣтниками и фруктовые сады, напоминающіе бытъ украинскихъ крестьянъ. Вообще отпечатокъ болѣе обезпеченной жизни проглядываетъ какъ въ обстановкѣ, такъ и во всемъ существѣ краковяка.

Праздники, суевѣрія, предразсудки и обычаи.

24-го декабря, въ канунъ Рождества, поляки ѣдятъ только разъ въ день, и то вечеромъ, когда взойдетъ звѣзда. Хозяйки дѣлаютъ большія приготовленія къ этому вечернему, постному пиру; на немъ обязаны быть всѣ домашніе, родные и друзья, которые не справляютъ праздника у себя. Гдѣ семейство многочисленно и взрослыя дѣти живутъ отдѣльно,—тамъ все семейство собирается къ главѣ. Тогда зажигаютъ огонь; хозяйка, взявъ *оплатекъ* (хлѣбъ, употребляющійся при причастіи), преломляетъ его съ каждымъ поочередно, наблюдая, чтобы не обойти никого изъ присутствующихъ; она выражаетъ этимъ, что готова весь годъ дѣлиться хлѣбомъ съ людьми, близкими ея сердцу. Примѣру ея слѣдуетъ все собраніе: каждый изъ гостей и домашнихъ беретъ у другаго и самъ даетъ ему часть *оплатка*, чѣмъ даютъ взаимное увѣреніе, что весь годъ готовы по-

могать другъ другу. *Оплатковъ* хозяйка не покупаетъ, но получаетъ ихъ въ подарокъ отъ церковнаго сторожа или отъ монаховъ, ѣздящихъ за сборомъ пожертвованій. Послѣ преломленія хлѣба, всѣ желаютъ другъ другу долгой и счастливой жизни. Столъ устилаютъ сѣномъ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ съ сѣномъ, а въ каждомъ углу избы стоятъ снопы жита. За столъ садится непремѣнно четное число. Ужинъ состоитъ, разумѣется у богатыхъ, изъ девяти блюдъ (преимущественно рыбныхъ). Во время ужина, молодежь вытаскиваетъ изъ сноповъ колосья и по ихъ длинѣ и запаху гадаетъ о будущемъ; бросаютъ также горохъ въ стѣну, приговаривая: «волкъ, волкъ, иди въ горохъ, а не придешь, то не ходи до этого дня въ будущемъ году!» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ ужина, къ одной изъ потолочныхъ балокъ прикрѣпляютъ верхушку сосны или ели, которую убираютъ яблоками, орѣхами и пряниками; это называется *садъ*. Садъ этотъ виситъ до вечера втораго дня праздника, когда его предаютъ на разграбленіе какъ своимъ дѣтямъ, такъ и чужимъ, приходящимъ колядовать. Сѣно, которымъ былъ покрытъ столъ и которое лежитъ на немъ до новаго года, даютъ скотинѣ, и изъ сноповъ жита, стоящихъ по угламъ избы, дѣлаютъ маленькія копны, которыя ставятъ на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, чтобы онъ хорошо родился. Въ солому, которая была постлана подъ столомъ, завертываютъ плодовыя деревья, чтобы они были плодовитѣе и не мерзли. При этомъ, хозяинъ, подходя къ деревьямъ, дающимъ плохіе плоды, замахивается на нихъ топоромъ, какъ будто хочетъ рубить ихъ; а жена и прочіе члены семейства упрашиваютъ пощадить ихъ, ручаясь за ихъ плодородіе въ будущемъ году; этимъ обрядомъ думаютъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать деревья плодородными. Наканунѣ Рождества происходятъ также гаданья. Дѣвушки передъ ужиномъ, а иногда и послѣ него, выходятъ во дворъ и слушаютъ—съ которой стороны раздается собачій лай: съ той стороны долженъ прибыть ихъ суженый. Смотрятъ также на небо, и если оно звѣздно,

звѣздой ходятъ по домамъ. Придя въ домъ, начинаютъ быстро вертѣть звѣзду и поютъ пѣсни, въ которыхъ описывается поклоненіе царей-волхвовъ; затѣмъ, торунь начинаетъ потѣшать присутствующихъ разными забавными выходками.

Послѣдняя недѣля передъ великимъ постомъ называется *запустами*; ее можно приравнять къ нашей маслянницѣ; впрочемъ, такъ какъ у католиковъ постъ начинается со среды первой недѣли нашего поста, то *запусты* оказываются нѣсколько длиннѣе масляницы. *Запусты*—дни самаго неудержимаго веселья; всякій спѣшитъ какъ можно больше нагуляться передъ предстоящимъ постомъ. Въ деревняхъ въ эти дни то у того, то у другаго, устраиваются пирушки, а чаще всего собираются въ корчмѣ, гдѣ пьютъ, поютъ и пляшутъ до упаду. Еще больше веселья въ домахъ шляхетскихъ. Главный день веселья—послѣдній день *запустовъ*, вторникъ. Въ этотъ день рядятся во всевозможные костюмы: стариками, жидами, цыганами. По улицѣ деревни ходитъ *коза*. Парень, ее представляющій, одѣваетъ на себя вывороченный шерстью вверхъ тулупъ, прицѣпляетъ сзади конскій хвостъ, а къ головѣ—рога; на правый рогъ прицѣпляетъ колокольчикъ. Козу ведутъ четыре человѣка и ходятъ съ ней при звукахъ музыки изъ дома въ домъ. Войдя въ домъ, коза начинаетъ продѣлывать разныя штуки: катается по полу, пляшетъ, говоритъ человѣческимъ языкомъ, что ей ѣсть хочется и т. п. Въ другихъ мѣстностяхъ ходитъ *запустъ*. *Запустъ*, какъ и коза, одѣвается въ тулупъ шерстью вверхъ, подпоясывается веревкой, а на голову одѣваетъ высокую шапку, убранную лентами и цвѣтною бумагою; въ рукахъ онъ держитъ маленькій, деревянный топоръ съ колокольчикомъ. Съ *запустомъ* обыкновенно ходитъ другой человѣкъ, наряженный старикомъ, съ корзиною въ рукахъ, въ которую складываютъ получаемые подарки. Они обходятъ каждую избу въ деревнѣ, смѣша чудной одеждою и шутками старшихъ, пугая дѣтей. Нерѣдко съ *запустомъ* ходитъ цѣлая толпа парней, переряженныхъ

въ разные, удивительные наряды. При входѣ въ домъ *запустъ* говоритъ: «Я *запустъ*, герцогъ мантуанскій, иду изъ своей земли, гдѣ собаки хвостами лаютъ». Потомъ, подобнымъ же образомъ, большею частью въ стихахъ, представляетъ хозяину всѣхъ своихъ спутниковъ и затѣмъ, послѣ разныхъ шутокъ, говоритъ: «Дайте намъ, что можете дать, не заставляйте насъ долго ждать, потому что тамъ герцогиня ходитъ по полю, во всѣ стороны поглядываетъ: гдѣ, молъ, это герцогъ мантуанскій шатается»? Послѣ этого приглашенія хозяева угощаютъ гостей пивомъ, медомъ, даютъ хлѣба, колбасы и т. п.

Въ среду, съ которой собственно начинается постъ, бабы берутъ возъ, украшаютъ его платками, плахтами и объѣзжаютъ всѣхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ въ этому году. Передъ возомъ танцуютъ или скачутъ двѣ бабы. Подъѣхавъ къ тому или другому дому, вызываютъ вновь вышедшую замужъ особою пѣснею, сажаютъ ее на возъ и везутъ къ корчмѣ, а передъ корчмою грозятъ ее опрокинуть вмѣстѣ съ возомъ, и требуютъ выкупа. Послѣ этой поѣздки, бабы собираются въ корчму и тамъ прыгаютъ, стараясь прыгнуть какъ можно выше, въ томъ убѣжденіи, что ленъ у нихъ выростетъ такъ высоко, какъ высоко онѣ прыгнутъ. Въ шляхетскихъ домахъ, въ послѣдній день запустовъ, устраиваютъ иной разъ такъ называемый *кулигъ*. Забава эта состоитъ въ томъ, что всѣ участвующія особы наряжаются по крестьянски и, подъ видомъ свадебнаго поѣзда, пріѣзжаютъ къ кому либо изъ сосѣдей; между ряженными непремѣнно бываютъ староста и старостиха, органистъ и его жена, мельникъ и мельничиха, жидъ-арендаторъ, иногда одинъ, иногда съ женою, молодые, дружки и друхны, т. е. подруги невѣсты. Переодѣванье происходитъ къ вечеру, въ условленномъ мѣстѣ, по большей части, въ корчмѣ того имѣнія, къ владѣльцу котораго ѣдетъ кулигъ. Напередъ отправляютъ къ хозяину посланца, который долженъ вручить ему листъ бумаги, на которомъ въ стихахъ, съ разными шут-

ками, заявляется о предстоящемъ прибытіи кулига. Затѣмъ, съ шумомъ и крикомъ пріѣзжаютъ и ряженые. Въ домѣ обыкновенно темно и глухо, потому что хозяинъ, удалившись въ глубину дома, умышленно приказалъ не зажигать еще огня. Наряженный старостою входитъ въ домъ и ищетъ хозяина. Хозяинъ, какъ бы случайно, услыхавъ чьи-то голоса, выходитъ къ старостѣ и спрашиваетъ у него, кто онъ и чего хочетъ. Староста отвѣчаетъ, что странствуетъ по свѣту съ веселой компаніей и что, услышавъ о старопольскомъ гостепріимствѣ здѣшняго дома, завернулъ въ эти страны и надѣется на благосклонный пріемъ. На эти слова хозяинъ отвѣчаетъ: «А, ну, коли такъ, дѣло другое, расположитесь же у меня свободно, какъ въ собственномъ домѣ». Иной разъ, впрочемъ, онъ напередъ торгуется со старостою и говоритъ, что не имѣетъ запасовъ, что не могъ бы пристойно принять ихъ и т. д. Староста успокоиваетъ его, что при добромъ желаніи все найдется и т. д. Наконецъ, вся толпа ряженыхъ вваливается въ покои, зажигаются по всему дому свѣчи, и начинается шумное веселье. Сначала говоритъ рѣчь староста, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, а главнымъ образомъ къ хозяевамъ, представляя имъ въ стихахъ по очереди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ свадебной комедіи. Затѣмъ, начинается комическая сцена между органистомъ и жидомъ-арендаторомъ, въ которой первый говоритъ рѣчь молодымъ, а жидъ мѣшаетъ ему разными замѣчаніями и остротами. Иногда случается, что во время этого представленія врывается въ домъ другой кулигъ, раньше пріѣхавшій и спрятанный гдѣ нибудь въ заднихъ комнатахъ. Тогда начинается—разумѣется, въ шутку—ссора между участниками того и другаго кулига; каждая сторона старается вытѣснить другую изъ дома. Главная роль въ этой ссорѣ достается на долю жидовъ, такъ какъ и въ той, и въ другой компаніи есть лицо, переряженное жидомъ: жиды бранятся между собою на жидовскомъ жаргонѣ, даже дерутся. Наконецъ, хозяинъ улаживаетъ ссору и начинается общее веселье: пѣсни, танцы

и пр. Послѣ полуночи, одинъ изъ присутствующихъ рядится наступающей постной *середой*, т. е. надѣваетъ на себя колпакъ изъ сахарной бумаги, беретъ въ одну руку палку съ привязанной къ ней селедочной головкою, въ другую—кнутъ, и начинаетъ разгонять веселящихся; его нѣсколько разъ выгоняютъ; наконецъ, *среда* одерживаетъ верхъ, и хозяинъ приглашаетъ гостей къ ужину, за которымъ подаются уже постныя блюда.

Передъ Пасхой, начиная съ великаго четверга или даже со среды, начинаются въ каждомъ домѣ приготовленія къ празднику. Хозяйки заготовляютъ *свенцоне*, т. е. пасхальный столъ. При гостепріимствѣ поляковъ, столъ этотъ отличается обиліемъ различныхъ яствъ, въ особенности бабъ, т. е. печеній, замѣняющихъ, какъ кажется, наши куличи. У богатыхъ польскихъ магнатовъ прежнихъ временъ *свенцоне* поражали баснословнымъ великолѣпіемъ и громадностью размѣровъ.

Самый убогій крестьянинъ, самый бѣдный шляхтичъ, копитъ деньгу къ празднику Пасхи, чтобы сдѣлать хотя маленькое *свенцоне* и разговѣться съ семьею, какъ требуетъ того польскій обычай.

Въ великій четвергъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ великую субботу, справляется обрядъ *уничтоженія жура. Журъ*—постный борщъ, приправленный овсяною мукою, служащій обычною пищею во время поста. Въ великій четвергъ, горшокъ, въ которомъ варился журъ, выносятъ на дворъ и разбиваютъ, бросая въ него камни, а черепки выбрасываютъ на дорогу. Иногда мальчишки устраиваютъ изъ этого обряда потѣху: черезъ улицу, отъ одной избы до противуположной, протягиваютъ веревку и къ ней привѣшиваютъ горшокъ съ журомъ, иногда же съ золою или сажею; если кто проходитъ подъ горшкомъ, горшокъ разбиваютъ палками и прохожій обливается журомъ или осыпается сажею; чтобъ избавиться отъ этой церемоніи, надо дать мальчишкамъ какую нибудь мелочь. Въ день

Пасхи, послѣ церковной службы, святятъ всѣ пасхальные припасы впрочемъ, освященіе припасовъ происходитъ и вечеромъ въ субботу, Разгавливаясь, наблюдаютъ, чтобы не падало на полъ крошекъ, а особенно — чтобы ихъ не съѣли куры, потому что тогда онѣ не будутъ нестись; косточки отъ освященнаго мяса зарываютъ въ полѣ въ томъ убѣжденіи, что эти косточки охраняютъ поле отъ кротовъ и мышей.

На второй день праздника, начинается такъ называемый *дынгусъ*. Еще въ воскресенье вечеромъ, парни, захвативъ мѣдный шаръ или что нибудь подобное, отправляются къ корчмѣ. Одинъ изъ нихъ взлѣзаетъ на кровлю, и, ударяя въ шаръ какъ въ бубенъ, провозглашаетъ имена дѣвушекъ, которымъ предстоитъ на завтра быть облитыми, что и приводится въ исполненіе въ понедѣльникъ: съ ранняго утра, парни ходятъ по деревнѣ съ ведрами и корытами и обливаютъ дѣвушекъ, которыя, разумѣется, прячутся и убѣгаютъ куда и какъ могутъ. Чтобы избавиться отъ этого обливанія, надо отлить парнямъ кварту водки; тогда, при провозглашеніи именъ съ кровли корчмы, объ этой дѣвушкѣ заявляютъ, что ее слѣдуетъ облить водкой. Провозглашеніе это производится, обыкновенно, съ разными прибаутками и не слишкомъ лестными отзывами о той или другой дѣвушкѣ; тѣмъ не менѣе дѣвушка, имя которой вовсе не будетъ упомянуто при этомъ, сочтетъ себя сильно оскорбленною. Во вторникъ роли мѣняются; теперь дѣвушки начинаютъ обливать парней которые стараются ускользнуть отъ нихъ или спрятаться. Вся эта потѣха сопровождается общимъ смѣхомъ и шутками, и на этомъ кончается *дынгусъ*.

На второй день праздника, мальчики ходятъ по деревнѣ съ *баранкомъ*, т. е. агнцемъ. Баранокъ этотъ деревянный и держитъ въ переднихъ лапкахъ пилу, которая, посредствомъ особаго снаряда, приводится въ движеніе, будто агнецъ пилитъ; фигура эта означаетъ Христа, а пила должна напоминать о томъ, какъ онъ,

ПОЛЬСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ПОДЪ КРАКОВА.

живя у Іосифа, помогалъ ему въ работѣ. Мальчики, сопровождающіе агнца, звонятъ въ колокольчики и, входя въ каждую избу, поютъ особыя пѣсни, въ которыхъ отчасти описываются страданія Іисуса Христа, отчасти содержатся разныя шутки, а въ концѣ концовъ просятъ дать имъ яичекъ, колбаски и т. п., въ чемъ имъ, разумѣется, никогда не отказываютъ.

Наканунѣ дня Іоанна Крестителя, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., подъ Краковымъ, въ день такъ называемыхъ зеленыхъ святокъ, черезъ 10 дней послѣ Вознесенія, справляютъ въ Польшѣ особый народный праздникъ, называемый *собуткою*. По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей славянской старины, праздникъ этотъ языческаго происхожденія и принадлежатъ къ древнѣйшимъ обрядамъ, совершавшимся въ честь солнца не только у славянъ, но и у другихъ народовъ Европы и Азіи.

Въ ночь на 24-ое іюня, дѣвушки собираются на полѣ и разводятъ тамъ большой костеръ. Взявшись за руки, онѣ пляшутъ около этого костра и поютъ пѣсни, въ которыхъ выражается общее мнѣніе о той или другой дѣвушкѣ, а также и о томъ, котораго изъ парней предпочитаетъ она другимъ; нерѣдко, въ насмѣшку, поютъ, что такая-то дѣвушка непремѣнно выйдетъ замужъ за такого-то, нищаго или калѣку. Поются тутъ также пѣсни, въ которыхъ дѣвушкамъ распредѣляются вѣнки изъ разныхъ растеній, подходящихъ почему либо къ ихъ достоинствамъ или недостаткамъ. Поютъ напр.: «Этой вѣнокъ изъ капусты, пойдетъ замужъ въ мясопустъ» (т. е. никогда, слишкомъ разборчива), или: «Этой ленту широкую, потому что сама она дюжая, высокая», и т. п. Насмѣшки, встрѣчающіяся въ этихъ пѣсняхъ, возбуждаются въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣвушки часто раздѣляются на враждебныя партіи, которыя стараются такъ или иначе уколоть другъ друга. По окончаніи пѣсень дѣвушки начинаютъ прыгать черезъ костеръ, вѣря, что которая легко перескочитъ, та скоро выйдетъ замужъ. Послѣ этого обряда,

къ дѣвушкамъ присоединяются парни и начинаются общія пѣсни и пляска, продолжающаяся до утра. Въ эту же ночь, какъ и у насъ, ходятъ искать папоротника, и также гадаютъ по вѣнкамъ. Дѣвушки выплываютъ на лодкѣ на средину рѣки и пускаютъ на воду вѣнки, съ прикрѣпленными къ нимъ горящими свѣчами. Если такой вѣнокъ быстро поплыветъ по теченію,—то дѣвушка выйдетъ замужъ въ этотъ же годъ; если же онъ долго стоитъ на мѣстѣ,—то выйдетъ замужъ не скоро. Въ эту ночь дѣвушки также смотрятъ въ зеркало, чтобы увидѣть въ немъ суженаго.

Кромѣ обычныхъ всѣмъ славянамъ вѣрованій въ домовыхъ, русалокъ и т. п., у поляковъ существуетъ еще вѣрованіе въ *подземокъ* и *кросналковъ*. *Подземки*—женщины, живущія подъ землею; эти существа крадутъ грудныхъ дѣтей, а на мѣсто ихъ подкладываютъ своихъ, сдѣланныхъ изъ соломы.

Кросналками называются маленькіе человѣчки, живущіе въ щеляхъ стѣнъ. Существа эти выходятъ въ лунную ночь изъ своихъ щелей и, рѣзвясь, бѣгаютъ по избѣ. Людямъ они не дѣлаютъ никакого вреда; но если кто станетъ гнать ихъ, то они мгновенно превращаются въ страшныхъ великановъ.

Повѣрье въ колдуній очень распространено въ Польшѣ. Колдунья можетъ причинить человѣку разныя болѣзни, заклявъ извѣстное мѣсто, напримѣръ, порогъ дома, часть избы, какое нибудь мѣсто поля, дороги; проходя черезъ это мѣсто, человѣкъ непремѣнно захвораетъ. Чтобы поразить колтуномъ ребенка, колдуньѣ стоитъ только сказать или даже подумать: «чтобъ тебя взялъ колтунъ!» Вѣрятъ также, что колдунья можетъ испортить человѣка (wrokzadác) посредствомъ пищи или питья, надъ которыми произнесетъ заклинаніе. Впрочемъ, пищу или питье можетъ околдовать и не колдунья, а всякій женатый мужчина или замужняя женщина, если въ

ту минуту, когда они подаютъ пищу или питье, у нихъ бродятъ въ головѣ дурныя мысли. Поэтому принято, прежде чѣмъ выпить поднесенную рюмку водки, крестить ее, въ томъ убѣжденіи, что если напитокъ околдованъ, то рюмка отъ креста разобьется въ дребезги.

Противъ порчи существуютъ разныя средства. Чтобы узнать, кто виновенъ въ порчѣ, мужчина или женщина, кладутъ въ стаканъ воды кусочекъ хлѣба и уголь; если хлѣбъ пойдетъ ко дну, то испортилъ человѣка мужчина, если же уголь—то женщина. Всего легче подвергаются порчѣ дѣти. Поэтому принято, чтобы, видя первый разъ новорожденнаго ребенка, не смотрѣть на него прямо, а сначала взглянуть на свои ногти; если же кто забудетъ объ этомъ и взглянетъ прямо на ребенка, тотъ долженъ плюнуть въ сторону и сказать: «на собаку порча!» Чтобы уничтожить порчу въ ребенкѣ, должно взять девять кусочковъ хлѣба и девять угольковъ и положить все это въ стаканъ воды; потомъ, помочивъ руку въ этой водѣ, провести ею по лицу ребенка ото лба внизъ, затѣмъ слѣдуетъ дать ему выпить этой воды; оставшуюся же вылить въ два угла и въ печь. Колдуньи могутъ, набравъ подъ мышки листьевъ, превращать листья въ мышей и нетопырей; мыши поѣдятъ все на гумнѣ и въ погребѣ, если на дверяхъ нѣтъ начертаннаго мѣломъ креста. Колдуньи могутъ также лишать коровъ молока или превращать его въ кровь и въ воду. Чтобы уберечь корову отъ чаръ, привязываютъ ей къ рогамъ извѣстныя сушеныя травы, какъ напримѣръ, мяту; это дѣлаютъ въ особенности наканунѣ зеленыхъ святокъ (10-й день послѣ Вознесенья), потому что въ это время колдуньи особенно злы. Онѣ могутъ также наводить на край разныя бѣдствія, какъ напримѣръ, войну, неурожай и т. п. Для этого колдунья превращается въ гусыню и садится на гнѣздо дикаго гуся; изъ высиженныхъ ею яицъ выходятъ всѣ бѣдствія, которыя она желаетъ нагнать на людей. Колдунью можно узнать потому, что у ней въ зрач-

кѣ не отражается стоящій передъ нею человѣкъ. Колдунья можетъ вселить въ человѣка злаго духа, который проявляется различнымъ образомъ: иные черезъ него становятся лекарями, и лечатъ съ успѣхомъ, если только больной во время леченія не произнесетъ имени Божія; другихъ бѣсъ заставляетъ плясать, пьянствовать и т. п. Одержимый злымъ духомъ человѣкъ, увидя колдунью, непремѣнно бросается на нее и начинаетъ бить ее, потому что бѣсы страшно ненавидятъ ту, которая закляла ихъ, т. е. принудила поселиться въ человѣкѣ.

Между народомъ особенно распространено повѣрье о томъ, какъ одинъ шляхтичъ, Твардовскій, продалъ себя чорту. Захотѣлось ему быть умнѣе другихъ людей и найти лекарство отъ смерти, которой онъ очень боялся. Вычиталъ онъ одинъ разъ въ какой-то старой книгѣ о томъ, какъ вызвать дьявола. Ровно въ полночь, вышелъ онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и придя на Подгорье (часть города), началъ выкликать бѣса. Тотъ немедленно явился, и Твардовскій заключилъ съ нимъ договоръ, который подписалъ собственною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Въ числѣ условій было одно главное: что бѣсъ не будетъ имѣть никакого права на душу Твардовскаго до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ его въ Римѣ. Твардовскій прежде всего велѣлъ бѣсу снести въ Олькушъ серебро со всей Польши и хорошенько засыпать его пескомъ. Отъ этого-то серебра произошли главные серебряные рудники въ Олькушѣ. Бѣсъ исполнялъ мгновенно всѣ желанія Твардовскаго, а тотъ, пользуясь случаемъ, продѣлывалъ разныя штуки, ѣздилъ на рисованномъ конѣ, леталъ безъ крыльевъ по воздуху, ѣзжалъ верхомъ на пѣтухѣ въ далекія путешествія и еще гораздо скорѣе чѣмъ на лошади; плавалъ противъ воды безъ веселъ и паруса и зажигалъ стекломъ деревни на разстояніи ста миль. Золота у него было бездна, потому что дьяволъ носилъ ему сколько душѣ угодно. Разъ какъ-то, Твардовскій зашелъ въ темный

лѣсъ, позабывъ захватить свои чернокнижничьи снаряды. Вдругъ, откуда не возьмись, появился передъ нимъ бѣсъ и сталъ требовать, чтобъ онъ сейчасъ же отправился съ нимъ въ Римъ. Твардовскій, силою своихъ заклятій, принудилъ бѣса бѣжать, но тотъ со злости выдернулъ съ корнемъ сосну и такъ ударилъ ею Твардовскаго по ногамъ, что разбилъ одну ногу въ дребезги. Съ тѣхъ поръ сталъ Твардовскій хромать и его прозвали колченогимъ. Соскучась долго ждать душу шляхтича, дьяволъ ухитрился: принялъ на себя видъ дворецкаго и пришелъ звать Твардовскаго на помощь къ больному. Твардовскій согласился и пошелъ за посланнымъ въ сосѣднюю деревню, вовсе не зная, что господскій домъ въ ней назывался Римомъ. Лишь только онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ множество вороновъ, совъ и филиновъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ, сѣли на кровлю дома и начали наполнять воздухъ своими зловѣщими криками. Увидѣлъ Твардовскій, что дѣло плохо и поскорѣе взялъ на руки изъ колыбели только что окрещеннаго младенца. Въ эту минуту появился дьяволъ въ собственномъ своемъ видѣ; не смотря на модный костюмъ, всѣ его тотчасъ узнали, потому что изъ подъ шляпы торчали рога, сквозь башмаки съ пряжками и бантами пробились когти, а сзади, изъ подъ фрака, виднѣлся хвостъ. Увидѣвъ въ рукахъ Твардовскаго младенца, онъ было-отшатнулся, но тотчасъ же нашелся и, подойдя къ нему, сказалъ: «ты честный шляхтичъ, а потому verbum nobile, debet esse stabile, что соотвѣтствуетъ русской посливицѣ: «не давши слова крѣпись, а давши слово держись». Видя, что нельзя измѣнить честному слову шляхтича, Твардовскій положилъ дитя и, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ вылетѣлъ черезъ трубу изъ дома. Поднялся онъ такъ высоко, что большіе города казались уже ему мухами; сжалось у него сердце. Собравъ послѣднія силы, запѣлъ онъ церковную пѣснь. Пропѣвъ, онъ замѣчаетъ, что уже не летитъ выше, а повисъ на мѣстѣ. Оглянулся кругомъ — дьявола

нѣтъ, а изъ синей тучи прогремѣлъ громкій голосъ: «Будешь висѣть такъ до самаго суднаго дня».

Изъ польскихъ обычаевъ, мы упомянемъ о тѣхъ, которые употребляются при полевыхъ работахъ.

Такъ, при концѣ жатвы, совершается у нихъ обрядъ *сжинанія пемпка*. Въ послѣдній день жатвы, тотъ изъ работниковъ — чаще всего дѣвушка — кто былъ замѣченъ, какъ самый лѣнивый, долженъ непремѣнно дожать послѣдній пучекъ колосьевъ. Этотъ-то пучекъ и называется *пемпекъ*. Жнутъ обыкновенно загонами, т. е. каждый изъ жнецовъ получаетъ извѣстный участокъ, который долженъ сжать; при этомъ тѣ, которые раньше кончили свой участокъ, обыкновенно помогаютъ другимъ въ работѣ. Но тому, кого присудили сжать *пемпекъ*, никто уже не помогаетъ, и, если онъ хочетъ уклониться отъ этого обряда и оставить послѣдній пучекъ несжатымъ, ему силою вкладываютъ въ руку серпъ, и, водя ею, заставляютъ волей-неволей срѣзать *пемпекъ*. Изъ колосьевъ этого пучка дѣлаютъ букетъ, прибавляя къ нимъ полевыхъ цвѣтовъ, и лѣнивый жнецъ, сопровождаемый веселою толпою товарищей, громко провозглашающихъ его имя, относитъ этотъ букетъ на помѣщичій дворъ, гдѣ вручаетъ помѣщику.

Послѣ совершеннаго окончанія жатвы, когда сжато яровое, справляются такъ называемые *вѣнцы* или *дожинки*. Двѣ избранныя дѣвушки приносятъ помѣщику на головахъ два вѣнка, сплетенные изъ колосьевъ, а въ передникахъ яблоки и орѣхи, и все это складываютъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ, за что получаютъ денежное вознагражденіе; сверхъ того, помѣщикъ приказываетъ обыкновенно выставить на дворѣ угощеніе жницамъ.

У косарей также есть свои обычаи. Молодой косарь, въ первой годъ работы, долженъ уплатить старымъ косцамъ *фрицовое*, т. е. поставить имъ извѣстное количество водки. Если онъ не хочетъ покориться этому обычаю, то, во время работы, ставятъ позади него самаго лучшаго косца, который бросаетъ свою скошенную траву на

нескошенную еще траву молодаго косаря, такъ что послѣдній долженъ во время косьбы, отбрасывать въ сторону два покоса; это его, конечно, утомляетъ и принуждаетъ покориться *фрицовкѣ*. *Фрицовка* эта начинается съ того, что новому косцу плетутъ соломенный вѣнокъ, къ которому прикрѣпляютъ нѣсколько прутьевъ, сходящихся кверху и увѣнчиваютъ все это клочкомъ сѣна.

Приготовивъ вѣнокъ, косцы выбираютъ изъ своей среды такъ называемаго *маршалка*, которому даютъ въ руки толстый, соломенный жгутъ. Маршалокъ наблюдаетъ за новымъ косцомъ, и чуть замѣтитъ какую неисправность въ его работѣ, даетъ ему нѣсколько ударовъ этимъ жгутомъ. По окончаніи работы, на молодаго косца одѣваютъ вышеописанный вѣнокъ и двое старыхъ косцовъ ведутъ его подъ руки на помѣщичій дворъ. Впереди скачутъ верхомъ на палкахъ два *казака*, держа въ рукахъ по другой палкѣ, съ привязаннымъ къ ней платкомъ; кафтаны на нихъ, обыкновенно, выворочены на изнанку а на головахъ вмѣсто шапокъ мѣшки. Казаки гонятъ съ дороги всѣхъ встрѣчныхъ, причемъ кричатъ, что ведутъ волка. Позади молодаго косца, идетъ *маршалокъ* съ перевѣшаннымъ черезъ плечо жгутомъ. Вся толпа, звеня косами, съ крикомъ и шумомъ приходитъ на помѣщичій дворъ, гдѣ помѣщикъ угощаетъ ее водкой. Послѣ того отправляются въ корчму, гдѣ новый косецъ и уплачиваетъ старымъ фрицовое, то есть выставляетъ условленное количество водки.

Свадебные обряды.

Свадьба у поляковъ сопровождается нѣкоторыми особыми обрядами, ведущими свое начало вѣроятно еще изъ языческой древности. Обряды эти, разумѣется, въ разныхъ мѣстностяхъ, сопровождаются различными подробностями, но въ общихъ чертахъ, они слѣдующіе. Свадьбѣ предшествуетъ, какъ и у насъ, сватовство. Формаль-

нымъ актомъ сватовства являются такъ называемые *звяды*. Мать парня, или которая нибудь изъ его родственницъ, приходитъ къ родителямъ дѣвушки съ водкою. Если родители дѣвушки станутъ пить водку, то это означаетъ согласіе; если же не станутъ—это значитъ отказъ. Впрочемъ, послѣднее рѣдко случается, потому что по большей части обо всемъ уже переговорено заранѣе, такъ что *звяды* не болѣе какъ обрядовая формальность, но отъ исполненія которой ни одинъ крестьянинъ не позволитъ себѣ уклониться. Обрядъ этотъ практикуется преимущественно въ окрестностяхъ Сандомира.

У куявовъ — племени, населяющаго сѣверо - восточную часть Варшавской губерніи, *звяды* происходятъ при слѣдующей обстановкѣ. Парень, задумавшій жениться, приходитъ со свахою—по польски *свашкою*—къ родителямъ дѣвушки въ полночь. Сваха стучитъ въ двери и когда отворятъ, входитъ съ вопросомъ: «А не забрелъ ли сюда гусь». «Нѣтъ», отвѣчаютъ хозяева. Тогда за дверями слышится откашливанье; сваха отворяетъ дверь и говоритъ: «А, вотъ онъ, гусекъ; войди сюда». Парень входитъ, падаетъ въ ноги родителямъ и объясняетъ имъ свои намѣренія. Дѣвушка въ то время прячется за печь. Родители вызываютъ ее, спрашиваютъ, согласна ли выйти за парня и, если согласна, благословляютъ жениха съ невѣстою, и потомъ уже принимаются за водку, принесенную свахою. Впрочемъ, обрядъ сватовства исполняется съ этими подробностями далеко не повсемѣстно, даже въ Куявіи. У мазуровъ женихъ въ присутствіи какого нибудь почетнаго, уважаемаго въ деревнѣ, лица поетъ подъ окномъ той, на которой хочетъ жениться, пѣсню, намекающую на его чувства и желанія. По окончаніи пѣсни, его любезно приглашаютъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, войти въ домъ. Молодой человѣкъ вынимаетъ тогда изъ кафтана принесенную бутылку, пьетъ за здоровье родителей молодой дѣвушки и подчуетъ также ее. Если дѣвушка приметъ поднесенную ей рюмку—это означаетъ, что она согласна вступить въ бракъ, если же нѣтъ—это служитъ знакомъ отказа.

Вскорѣ послѣ *звядовъ*, бываютъ *заренчины*—обрученье. Въ день *заренчинъ*, женихъ съ невѣстою идутъ утромъ по деревнѣ приглашать гостей. У родителей невѣсты приготовляютъ пиръ. Гости собираются вечеромъ и садятся за столъ обыкновенно послѣ полуночи, когда пропоетъ первый пѣтухъ. Во время стола, отецъ невѣсты приноситъ двѣ миски, ставитъ ихъ вверхъ дномъ предъ женихомъ и невѣстою; мать невѣсты и сватъ оборачиваютъ миски внизъ дномъ и женихъ съ невѣстою кладутъ въ нихъ свои кольца. Сваха кропитъ св. водою сначала кольца, а потомъ и всѣхъ присутствующихъ; затѣмъ старшій возрастомъ или пользующійся наибольшимъ уваженіемъ изъ числа присутствующихъ, мѣняетъ кольца жениху и невѣстѣ. Послѣ этого пиръ идетъ до самаго утра. Черезъ нѣсколько дней послѣ обрученья бываетъ дѣвичникъ, по польски *разплецины*. Въ этотъ вечеръ дѣвушки, подруги невѣсты, заплетаютъ ей косу; это сопровождается приличными случаю пѣснями. Косу расплетаетъ потомъ старшій жениха дружка, а затѣмъ женщины отрѣзываютъ ее. Разплецины оканчиваются танцами. Впрочемъ, поляки справляютъ это не во всѣхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ онъ не въ обычаяхъ, невѣстѣ обрѣзываютъ косу уже послѣ свадьбы.

Передъ днемъ свадьбы невѣста отправляется звать гостей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ окрестностяхъ Сандоміра, приглашая кого либо на свадьбу къ себѣ, она должна стать передъ нимъ на колѣни и обнять его ноги. Наканунѣ свадьбы, женихъ съ невѣстою, въ нарядномъ платьи, а невѣста притомъ съ головою, убранною множествомъ лентъ и цвѣтовъ, идутъ въ церковь на исповѣдь. Передъ вѣнцомъ, невѣсту сажаютъ на квашню, расчесываютъ ей волосы, убирая въ цвѣты и ленты. Все время, пока одѣвается невѣста, чтобы ѣхать въ церковь, дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни. Когда она одѣнется, родители благословляютъ ее; затѣмъ она обходитъ всѣхъ присутствующихъ, кланяется имъ въ ноги, проситъ благословенія и, наконецъ, рыдая, прощается со всѣми родными и знакомы-

ми. Послѣ этого пріѣзжаетъ женихъ со свитою, его благословляютъ, и свадебный поѣздъ отправляется въ костелъ. Шествіе открываютъ трубачи и другіе музыканты. Музыка составляетъ такую необходимую принадлежность свадьбы, что безъ нея никогда не обходятся; бѣдные занимаютъ деньги для того, чтобы заплатить музыкантамъ. За музыкантами ѣдутъ повозки, наполненныя гостями; жениховы дружки скачутъ верхами по бокамъ; каждый изъ нихъ держитъ въ одной рукѣ кнутъ, а въ другой флагъ. Невѣста ѣдетъ въ передней повозкѣ со свахою и подругами; женихъ сидитъ на козлахъ вмѣстѣ съ кучеромъ или ѣдетъ верхомъ. Обычай требуетъ, чтобы поѣздъ ѣхалъ какъ можно шумнѣе, а потому музыка, пѣсни и крики не умолкаютъ всю дорогу. Иногда молодежь зажигаетъ по дорогѣ костры изъ хвороста и на коняхъ перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Въ церковь входятъ въ извѣстномъ порядкѣ. Невѣста идетъ между подругами, которыя держатъ передъ нею за углы платокъ; точно также женихъ идетъ за нею между дружками, которые и передъ нимъ держатъ платокъ. По окончаніи церковнаго обряда, возвращаются обыкновенно другимъ путемъ, «чтобы смерть ошиблась дорогою». И на этотъ разъ, свадебный поѣздъ ѣдетъ съ пѣснями и крикомъ, причемъ продѣлываются разныя штуки, такъ напримѣръ, кучеръ повозки, въ которой ѣдутъ новобрачные, роняетъ кнутъ и заявляетъ, что дальше ѣхать не можетъ, пока дружки не откупятся; скрипачъ обрываетъ струну на скрипкѣ и требуетъ отъ дружекъ денегъ на покупку новой и т. п. По большей части свадебный поѣздъ направляется не прямо въ домъ родителей, а въ корчму и тамъ пируетъ нѣсколько времени, чтобы домашніе успѣли приготовиться къ пріему гостей.

По прибытіи въ домъ родителей, садятся за обѣдъ. Гости составляютъ двѣ категоріи: къ одной принадлежатъ почетные люди деревни, а именно: священникъ, лицо, находящееся въ штатѣ помѣщика, управляющій и ревизоръ. Ихъ сажаютъ за особый

столъ, накрытый бѣлою скатертью. Прежде всего пьютъ за здоровье молодой четы; за свадебнымъ обѣдомъ подаютъ куличи пшеничные и ржаные, масло, сыръ, гусей, поросятъ, жаркое, солонину, орѣхи, яблоки, пиво и водку. У бѣдныхъ же почетнымъ лицамъ бываетъ особое угощеніе, состоящее изъ супа, мяса, сладкаго кушанья и плодовъ. Другіе же гости должны довольствоваться, по большей части, пшенною кашею, клецками и супомъ, который подаютъ послѣ всего. Гости приносятъ свои деревянныя чашки и ложки. Вино играетъ важную роль при брачномъ обѣдѣ, и вокругъ стола то и дѣло ходятъ полные стаканы. Дружки прислуживаютъ и забавляютъ компанію разными шутками. Но пока присутствуютъ почетные люди, никто не выступаетъ изъ границъ приличія. Послѣ обѣда начинаются танцы, причемъ тѣ дѣвушки, которыя явились на свадьбу не босыя, снимаютъ башмаки, чтобы удобнѣе предаться веселью. Только одна молодая остается до конца вечера въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бантами. Сперва старики протанцуютъ польскій. Затѣмъ, раздаются звуки мазурки и никто уже не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ. Въ продолженіе танцевъ также продѣлываются разныя шутки. Такъ напримѣръ, дѣвушки прячутъ молодую, а свахи должны ее розыскать и отнять у дѣвушекъ, или происходитъ цѣлая сцена продаванія молодой мужу подъ видомъ коровы. Веселье длится всю ночь напролетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ не справляютъ дѣвичника. Въ заключеніе пира происходитъ обрядъ обрѣзанія косы у молодой, совершаемый старшею изъ присутствующихъ женщинъ. Иногда свадебный пиръ продолжается не только на другой и на третій день, но цѣлую недѣлю. Если пиръ происходитъ не въ домѣ молодаго, а у родителей молодой, то на слѣдующее утро подъѣзжаютъ къ дому двѣ телѣги: на одной изъ нихъ сидятъ музыканты, на другой молодой, явившійся за женою. Собравшіяся у молодой подруги поютъ грустныя пѣсни, въ которыхъ говорится о горе-

чи разлуки, о счастливыхъ дняхъ дѣвической жизни и т. п., а музыканты аккомпанируютъ имъ на трубахъ и дудкахъ.

Наконецъ выносятъ на телѣгу приданое молодой, которая, между тѣмъ съ громкимъ плачемъ прощается съ родителями и затѣмъ уѣзжаетъ съ мужемъ въ новое жилище.

Погребальные обряды.

Когда кто умретъ, передъ домомъ ставятъ въ знакъ того траурную хоругвь, взятую изъ церкви. Положивъ тѣло покойника на столъ и сжегши на полѣ солому, на которой онъ лежалъ, идутъ или посылаютъ кого изъ родственниковъ къ священнику съ просьбою о благовѣстѣ, за что платятъ злотъ (15 коп.) или больше. Покойника, и мужчину и женщину, одѣваютъ въ рубашку, завязанную шнуркомъ; мужчинѣ одѣваютъ брюки. На рубашку одѣваютъ *зґло*, родъ тюники или рубахи изъ бѣлаго полотна, длиною до пятъ; это *зґло* опоясываютъ черною лентою или завязываютъ черною тесемкою у шеи, у рукавовъ и въ поясѣ. Молодымъ расчесываютъ волосы и оставляютъ голову не покрытою. Старымъ прикрываютъ голову *духенкой*, т. е. полотняною бѣлою шапкою (въ старину этимъ словомъ. означались шапка или колпакъ, одѣвавшіеся на ночь). На ноги обуваютъ бѣлые, сшитые изъ полотна чулки или носки; но сапоговъ или башмаковъ не надѣваютъ. Дѣтей хоронятъ даже совсѣмъ босыхъ. Если покойникъ былъ старъ или женатъ, гробъ красятъ черною краскою или подъ орѣхъ; если молодъ—красною или голубою; если бѣднякъ—гробъ сколачиваютъ изъ простыхъ досокъ. У тѣла стоятъ на столикѣ водка и хлѣбъ. Каждый изъ посѣтителей, войдя, становится на колѣно передъ гробомъ; окончивъ молитву, встаетъ и привѣтствуетъ, кого застанетъ, словами: «Да будетъ благословленъ Іисусъ Христосъ!» Кто нибудь изъ домашнихъ подчуетъ его водкою, раз-

сказываетъ обыкновенно подробности болѣзни и смерти покойнаго, и оба вмѣстѣ сокрушаются надъ нимъ и оставшимися сиротами. Однако, посѣтитель хотя и говоритъ: «горе»! а все-таки жадно посматриваетъ на стоящую подлѣ фляжку съ водкою. Иные поютъ надъ тѣломъ священные гимны. *Пустая ночь* (pusta noc) называется вторая, въ которую собираются люди на молитву въ домъ, гдѣ лежитъ тѣло умершаго, котораго утромъ должно хоронить. Названіе это происходитъ отъ того, что пусто будетъ въ домѣ, въ немъ не будетъ хозяина или хозяйки. На третій день по смерти, заколотивъ гробъ, везутъ его на телѣгѣ или, если близко, несутъ на кладбище. При провожаніи тѣла, самый старый или вообще желающій изъ домашнихъ говоритъ иногда короткую, прощальную рѣчь, въ которой поручаетъ душу умершаго, равно какъ и живыхъ, покровительству Божію, прощаясь съ оставшимися отъ его имени; эту рѣчь онъ иногда повторяетъ у какой нибудь *фигуры* (креста, который въ Польшѣ ставятъ на перекресткахъ), гдѣ останавливаются. Провожая тѣло до могилы, поютъ гимнъ: «Радуйся, царица небесная» (Salve, regina) или какой либо другой. Ксендзъ въ комжѣ (риза) провожаетъ гробъ до встрѣчнаго креста, а иногда и до самой могилы и, окропивъ гробъ св. водой и, прочитавъ молитву, уходитъ. По опущеніи тѣла въ могилу, нѣкоторые изъ братьевъ и пріятелей идутъ въ корчму и за рюмкою вспоминаютъ о добродѣтеляхъ или недостаткахъ покойнаго. А въ его домѣ вдова, или кто нибудь изъ оставшихся родныхъ, устраиваетъ *похувекъ*, т. е. поминки, на которыя приглашаетъ близкихъ родныхъ.

Историческій очеркъ.

Въ первые вѣка по Р. Х. страны, лежащія между Одеромъ и Вислою, были населены славянскими племенами, занимавшимися зе-

мледѣліемъ и извѣстными подъ названіемъ ляховъ или лехитовъ Эти мирныя племена были покорены воинственнымъ, аристократическимъ народомъ—сарматами, которые слились въ одинъ народъ съ побѣжденными, такъ что не оставили ему даже своего имени. Тѣмъ не менѣе слѣды вліянія сарматскаго элемента сохранились даже донынѣ въ польскомъ народѣ, преимущественно въ высшихъ классахъ и воинственномъ дворянствѣ, владѣющемъ поземельною собственностью. Въ IX столѣтіи, сынъ Пяста соединилъ эти племена въ одинъ народъ, получившій названіе поляковъ.

Мечиславъ (955—992), правнукъ Пяста, принявшій христіанскую вѣру, ввелъ въ эту страну, вмѣстѣ съ католицизмомъ, начала латино-германской религіозной и политической системы. Онъ соединилъ въ одно государство Мазовію (на нижней Вислѣ), Нижнюю Силезію, Куявію (на лѣвомъ берегу Вислы на сѣверо-западъ отъ Варшавы) и Великую Польшу (между Варшавою и Позеномъ). Но настоящимъ основателемъ, если не государства польскаго, то его могущества былъ первый король польскій, Болеславъ Храбрый, современникъ св. Владиміра.

По смерти Болеслава, сыновья его раздѣлили Польшу на четыре княжества. Отсюда начинается гибельная система дробленія, оставившая надолго роковые слѣды. Потомки сыновей Болеслава, въ свою очередь, дѣлили свои владѣнія между своими сыновьями, такъ что образовалось множество небольшихъ отдѣльныхъ княжествъ. Такой порядокъ продолжался до XIV столѣтія. Близость Германіи и частыя сношенія съ этою страною распространили между могущественными вельможами духъ феодализма.

Средній классъ состоялъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, эмигрировавшихъ изъ своего отечества, которые пользовались большими привиллегіями и монополизировали торговлю.

Около XIV столѣтія, евреи, въ очень большомъ числѣ, нахлынули на Польшу, которая съ тѣхъ поръ стала для нихъ вторымъ оте-

чествомъ. Они вскорѣ завладѣли всею ея торговлею, предоставивъ нѣмцамъ только ремесла и искусства.

Самое важное событіе этого періода,—было основаніе и быстрое распространеніе власти Тевтонскаго ордена на берегахъ Нижней Вислы.

Въ эпоху нашествія татаръ, Польша счастливо выдержала нѣсколько битвъ съ ними и избѣгла ихъ владычества.

Въ 1333 году, былъ избранъ на польскій престолъ Казиміръ III, прозванный Великимъ, который успѣшно воевалъ съ сосѣдними государствами и въ 1340 году присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Червонную Русь. Царствованіе его было блестящее и возвело Польшу на ту степень благоденствія, которою она пользовалась въ теченіе двухъ вѣковъ и которая достигла своего апогея при Стефанѣ Баторіѣ.

Вскорѣ польскій престолъ достался Литовскому князю Ягелло, женившемуся на польской принцессѣ Ядвигѣ, и послѣдовало чрезвычайно важное политическое событіе—присоединеніе къ Польшѣ Литвы, власть которой простиралась на всю Волынь, Бѣлоруссію и Украйну. Слѣдовательно, присоединеніе къ Польшѣ Литовскаго княжества открыло ей обширное поле дѣятельности въ отношеніи Западной Руси, и съ этой эпохи Польша стала неутомимо стремиться къ ополяченію русскихъ западныхъ областей и распространенію въ нихъ католицизма. Началась борьба за преобладаніе греческой или римской церкви и русскаго или польскаго элемента. Но народъ русскій сильно былъ приверженъ къ своей религіи, своимъ нравамъ и языку, и только спустя два столѣтія удалось польскому духовенству насильственно ввести въ Малороссію и въ Бѣлоруссію Унію. Въ началѣ XVI вѣка вступилъ на польской престолъ Сигизмундъ I. Онъ велъ войну съ Московскимъ государемъ Василіемъ III, которая окончилась потерею Смоленска, отошедшаго къ Москвѣ. Гораздо счастливѣе была война его съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи, вслѣдствіе которой Пруссія превратилась въ ленное владѣніе Польши.

При Сигизмундѣ II Августѣ (1569) произошло полное присоединеніе литовской Руси къ Польшѣ. На государственномъ сеймѣ въ городѣ Люблинѣ, изданъ былъ актъ соединенія, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Люблинской Уніи. Въ 1561 году, съ уничтоженіемъ Ливонскаго ордена меченосцовъ, Курляндія была превращена въ ленное герцогство польской короны.

Могущество Польши достигло высшей степени въ царствованіе Стефана Баторія (1576—1586). Но по смерти его, Польша, лишенная однородной національности и королевской власти, опирающейся на прочныя начала, стала быстро клониться къ упадку.

Съ пресѣченіемъ династіи Ягеллоновъ (1572), правленіе въ Польшѣ стало чисто избирательное. Это обстоятельство было главною причиною ея паденія. Въ правленіе слабаго Сигизмунда III, король шведскій Густавъ-Адольфъ отнялъ у него Лифляндію и тѣмъ лишилъ Польшу преобладанія въ восточной Европѣ, которое перешло теперь къ Швеціи. Надъ Россіею же, вслѣдствіе внутреннихъ въ ней раздоровъ, Польша еще удержала на нѣкоторое время превосходство. Когда въ Россіи прекратилась династія Рюрика, явился въ Польшѣ самозванецъ, выдавшій себя за Димитрія, сына царя Іоанна IV. Съ помощью польскаго войска, онъ вступилъ на Московскій престолъ. Послѣ его сверженія, поляки привели другаго Лжедимитрія и, пользуясь тяжелымъ положеніемъ Россіи, грабили и разоряли ее. Сигизмундъ самъ вторгнулся въ московское государство, завоевалъ Смоленскъ и хотѣлъ соединить Россію съ Польшею. Если бы это ему удалось, то Россія стала бы несомнѣнно добычею католицизма и польскаго элемента, но, по счастью, Пожарскій и Мининъ освободили Москву отъ польскаго гарнизона, и, когда на престолъ выбрали Михаила Ѳеодоровича Романова, поляковъ изгнали изъ Москвы.

На югѣ малороссы, выведенные изъ терпѣнья притѣсненіями поляковъ, послѣ цѣлаго ряда казацкихъ возстаній и кровопролитныхъ

войнъ отложились отъ Польши, подъ предводительствомъ своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго и присоединились къ Россіи, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Турки, захвативъ польскую Украйну (Подолъ), стали также опасными врагами поляковъ. Янъ Собіесскій (1674—1696), второй король, избранный поляками, отнялъ у турокъ завоеванную ими страну только послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ; онъ освободилъ также отъ турокъ Вѣну, разбивъ ихъ подъ стѣнами этого города въ 1683 году.

При корольхъ саксонскаго дома, Августѣ II и Августѣ III, Польша дошла до полнаго упадка, а начиная съ царствованія въ Россіи Петра Великаго, судьба Польши стала зависѣть отъ русскихъ императоровъ.

Со вступленіемъ на престолъ королей саксонскаго дома, вмѣстѣ съ усиленіемъ роскоши и безнравственности между дворянами, усилилось и вліяніе евреевъ. Право избранія короля, предоставленное дворянству вполнѣ, подвергло Польшу вліянію иностранныхъ державъ. По смерти Августа III (1763), поляки пожелали имѣть королемъ природнаго поляка изъ потомковъ Пяста, къ которымъ причисляли себя многіе польскіе вельможи. Образовались двѣ партіи: одна искала помощи Россіи, другая—Франціи. Екатерина II и Фридрихъ II указали на Станислава Понятовскаго. Съ помощью иностраннаго золота и русскихъ войскъ его избрали королемъ Польши. Тогда, часть шляхты, недовольная иноземнымъ вліяніемъ, образовала въ городѣ Барѣ сильную конфедерацію и вступила въ войну съ Россіею, длившуюся четыре года. Война эта довела Польшу до крайняго истощенія.

Три сосѣднія державы: Россія, Австрія и Пруссія произвели въ 1772 году первый раздѣлъ Польши. Россія получила собственно Бѣлоруссію (Витебскую и Могилевскую губерніи), Австрія—Галицію, Пруссія—Восточную Померанію безъ Данцига и часть Великой Польши, лежащую на лѣвомъ берегу Нетце.

Въ 1793 г., послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому

Россіи достались губерніи: Минская, Подольская и Волынская, а въ 1794 году третій, по которому Россія получила губерніи Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.

Въ 1807 и 1809 годахъ императоръ Наполеонъ I снова соединилъ нѣкоторыя части прежняго Польскаго королевства, подъ названіемъ великаго герцогства Варшавскаго, которое, въ числѣ другихъ государствъ рейнскаго союза, участвовало въ войнѣ Наполеона противъ Россіи въ 1812 году. Послѣ паденія Наполеона, державы, принимавшія участіе въ борьбѣ съ нимъ, получили значительное вознагражденіе. Къ Россіи отошла большая часть Варшавскаго герцогства. Изъ него составлено «царство Польское» подъ властью русскаго императора. Императоръ Александръ I оставилъ Польшѣ ея собственное управленіе, національный сеймъ и даже войско. Но поляки, недовольные зависимостью отъ Россіи, въ 1830 году опять возстали и вступили въ упорную войну съ Россіею. Возстаніе это было усмирено въ 1831 году. Польша лишилась своего сейма и войска, и превратилась въ русскую провинцію, управляемую сначала намѣстникомъ, а нынѣ генералъ-губернаторомъ.

Общее число жителей царства Польскаго состоитъ изъ 4.840,466 человѣкъ обоего пола. Главный городъ Царства-Польскаго, Варшава, основанъ въ XI столѣтіи. Онъ построенъ среди живописнаго мѣстоположенія на высокомъ берегу Вислы и раздѣляется на новый и старый городъ.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ РЕДАКЦІЕЮ:

I. Для обученія грамотности:

1. **Букварь** солдатскій и народный. Константинова. Ц. 10 к., съ перес. 13 к.
2. **Прописи.** Цѣна 10 к., съ перес. 13 к.

II. Учебныя руководства для полковыхъ учебныхъ командъ:

Составлены по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной программѣ. Прик. по Военному Вѣдомству 14 февраля 1875 г. № 52.

3. **Свѣдѣнія, обязательныя для каждаго рядоваго.** Цѣна 25 к., съ перес. 30 к.
4. **Ариѳметика** для войсковыхъ школъ. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
5. **Ариѳметическій Задачникъ.** Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
6. **Устройство войскъ, служба и довольствіе солдата.** Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
7. **Воинскіе уставы** (для пѣхоты). Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
8. **Ручное огнестрѣльное оружіе.** Цѣна 25 к., съ пер. 30 к.
9. **Сбереженіе здоровья** (гигіена). Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

III. Книги для чтенія:

10. **Книжка для чтенія.** Съ рисунками. Сост. Павловичемъ, въ двухъ частяхъ. Каждая часть отдѣльно по 45 к., съ перес. 50 к.
11. **Какъ началось Русское Царство.** Съ рис. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.
12. **Русь отъ Ярослава до татарскаго погрома.** Съ рисунками. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
13. **Послѣднія дни Спасителя.** Съ рисун. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
14. **Киргизская степь.** Съ рисунк. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
15. **Иканское дѣло.** Съ рисунк. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
16. **Волга и Поволжье.** Съ рис. Ц. 30 к., съ перес. 35. к.
17. **Донъ и донецъ.** Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
18. **День и ночь въ Севастополѣ.** Разсказъ артиллериста. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.
19. **Чай и его польза.** Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
20. **Что такое соль и гдѣ ее берутъ.** Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
21. **Сафронычъ.** Разсказъ солдата. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
22. **Пріемышъ.** Разсказъ солдата. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
23. **На походѣ.** Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
24. **Кавказская война.** Съ рис. Ц. 12 к., съ перес. 15 к.
25. **Объ Отечественной войнѣ.** Съ рис. Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
26. **Геройская смерть Данилова.** Съ рис. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
27. **Божественная литургія.** Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
28. **Днѣпръ и Приднѣпровье.** Съ рис. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.
29. **Повѣсти и разсказы.** Ц. 20 к., съ перес. 25 к.
30. **Боевыя пѣсни 1812 года.** Ц. 15 к., съ перес. 20 к.
31. **Исторія царствованія императора Александра I.** Съ 5 картинами. Ц. 35 к., съ пер. 40.
32. **Боевыя и народныя** пѣсни 1812—1815 годовъ. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Выписывающіе всѣ книги разомъ пользуются уступкою 20 проц.

Требованія менѣе **одного** рубля не исполняются. За всякій отвѣтъ прилагается почтовая марка. Въ счетъ уплаты денегъ почтовыя марки не принимаются.

2007041745